УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.17.22.014

Ю.К. Гугуев, С.А. Наumenко

ПОДВАЛ II В. Н.Э В РАЙОНЕ ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ ТАНАИСА (РАСКОП XIX)*

В 1996 г. германским отрядом Нижне-Донской археологической экспедиции в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX) был открыт подвал 3 постройки 4 (Восточный подвал). Он принадлежит к числу археологических комплексов, образовавшихся в результате разгрома города поздними сарматами около середины II в. н. э. Из заполнения подвала происходит большое количество находок: амфоры, краснолаковая, столовая, гончарная сероглиняная и лепная посуда, светильник, два наконечника стрел, два ключа, замок, астрагал, костяной предмет, железные гвозди, пять монет (от Аспурга до Реметалка). Среди амфор — красноглиняная типа Зеест 84, оранжевоглиняная типа Танаис/Усадьбы 20-21, коричневоглиняная неустановленного центра, узкогорлые светлоглиняные гераклейские типа С по Шелову и др. Краснолаковая керамика представлена различными формами понтийской сигиллатты А и двумя фрагментами пергамской сигиллатты. В целом, датировки амфор и краснолаковой посуды укладываются в промежуток от конца I до середины II в. н.э. В наборе неантичной гончарной сероглиняной керамики сосуда аланского производства составляют заметное количество (6 из 14-ти экземпляров), тогда как в мусорных слоях, сформировавшихся в результате очистки города после разгрома, меотские фрагменты абсолютно доминируют над аланскими. На одном из меотских сосудов оттиснут рельефный тамгообразный сарматский знак; другой сосуд представлял собой блюдо («столик») на трёх низких ножках, подобное тем, которые использовались в быту кочевниками — сарматами и ранними аланами Кавказа. Указанные факты, возможно, свидетельствуют о варварском происхождении владельца подвала.

Ключевые слова: Танаис, подвал, мусорный слой, поздние сарматы, меоты, аланы, амфоры, краснолаковая керамика, неантичная гончарная сероглиняная керамика, тамгообразный знак.

Сведения об авторах: Гугуев Юрий Константинович¹, независимый исследователь; Наumenко Светлана Андреевна², ведущий археолог, ГАУК РО «Донское наследие».

Контактная информация: ¹344058, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Коммунистический, д. 2; e-mail: guguev2009@rambler.ru; ²344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29, ГАУК РО «Донское наследие»; e-mail: naumenkos16@mail.ru.

Yu.K. Guguev, S.A. Naumenko

THE BASEMENT OF THE 2nd c. CE IN CITY SQUARE AREA OF TANAIS (EXCAVATION UNIT XIX)

In 1996, a basement of a building was excavated by the German research team of the Lower Don Archaeological Expedition in the city square area of Tanais. The basement feature (No. 3, so-called Eastern basement) was revealed to make a part of the building No. 4 within the excavation unit XIX. The basement is referred to among complexes resulted from ravage caused by the late Sarmatians as they defeated the city around the mid-2nd century. In the filling of the basement, a large number of finds have been discovered: amphorae, red slip ware, fine tableware, wheelmade gray clay ware, handmade pottery, a lamp, two arrowheads, two keys, a lock, an astragalus, a bone object, iron nails, and five coins (from Aspurgus to Rhoemetalses). Among the amphorae, many varieties have been represented, such as (a) red clay ones of the

* Статья поступила в номер 02 декабря 2021 г.
Принята к печати 24 декабря 2021 г.

Zeest 84 Type, (b) orange clay ones of the Tanais Homesteads 20-21 Type, (c) brown clay one produced by unidentified centre, with high handles and flat bottom, (d) narrow-necked ones from Heraclea made of light-coloured clay (Shelov's Type C), and (e) others. Red slip ware is represented by various forms of the Pontic sigillata A and by two fragments of the Pergamene sigillata. In general, the dating of amphorae as well as that of red slip ware falls within the interval from the late 1st to the mid-2nd century CE. Among non-antique pottery, gray clay vessels made by the Alans make up a noticeable amount of six out of fourteen items, while in the dump layers formed as a result of the cleaning of the city after the defeat is finished, fragments of Maeotian ceramics absolutely prevailed as compared with Alan ones. On the surface of one of the Maeotian vessels, a relief tamga-like Sarmatian sign is imprinted, the other one represents a 'table' with three short legs, similar to those used in everyday life by the nomads like the Sarmatians and the early Alans of the Caucasus. It is these facts which may testify a "barbaric" origin of those who owned the basement.

Key words: Tanais, basement, Middle and Late Sarmatian cultures, Alans and Meotians, amphorae, red-lacquer ceramics, non-antique grey-clay pottery, tamga-shaped symbols.

About the authors: Guguyev Yuriy Konstantinovich¹, independent researcher; Naumenko Svetlana Andreyevna², leading archaeologist, State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage".

Contact information: ¹344058, Russian Federation, Rostov-on-Don, 2 Kommunisticheskyy Ave.; e-mail: guguev2009@rambler.ru; ²344022, Russia, Rostov-on-Don, 29 Nizhnebulvarnaya Str., State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage"; e-mail: naumenkos16@mail.ru.

В 1996 г. германским отрядом (руководитель Б. Беттгер) Нижне-Донской археологической экспедиции под руководством Т.М. Арсеньевой на XIX раскопе был открыт подвал 3 постройки 4 (так называемый Восточный подвал). Участок работ расположен в юго-восточной части основного четырехугольника городища (рис. 1, 2: 1). Данный комплекс не является чем-то особенным по сравнению с остальными немногочисленными постройками II в. н.э. Но в то же время его следует выделить по нескольким причинам. Во-первых, он принадлежит к числу весьма малочисленных закрытых комплексов конца I — первой половины II вв. н.э., погибших в пожаре около середины II в. н.э. в результате нападения позднесарматских племен, пришедших с востока на территорию Нижнего Подонья (Безуглов 2001: 111, 119; Арсеньева, Науменко 2004: 59—60). Из-за этой акции в городе серьезно пострадали не только жилые постройки (на сегодняшний день известно 10 построек с подвалами), но и 4 башни, две из которых более не восстанавливались (Шелов 1972: 27, 34; Арсеньева, Шелов 1974: 131—132; Арсеньева, Науменко 2004: 35—36; 2007: 37; Арсеньева и др. 2009: 39—43). Следов разрушений этого времени и связанных с ними последующих перестроек на территории цитадели зафиксировано довольно много во всех исследованных городских кварталах. Едва ли не в каждом подвальном помещении, погибшем в середине III в. н.э., отмечались строительные остатки и артефакты II в. под полами, а иногда и серьезные перепланировки. Часто расширялись площади за счет появления новых стен. В одном случае в огромном подвале середины III в. н.э. на XIX раскопе зафиксирована специальная пристройка к южной стене, куда был сброшен мусорный слой с материалом первой половины II в. (Arsen'eva, Böttger 1998: 389—398). Иногда старый подвал засыпался грунтом со строительными остатками и предметами материальной культуры и над ним воздвигался новый более крупный склад, как например, подвал МБ (Арсеньева, Науменко 1993: 62—63. рис. 1; Безуглов 2001: 109—110). Во-вторых, несмотря на свои незначительные размеры, подвал 3 постройки 4 привлекает внимание исследователей богатым составом разнообразных находок, позволяющих отнести его к одному из важных хронологических индикаторов этого времени. После пожара середины II в. н.э. он более не восстанавливался, а все рухнувшие внутрь строительные остатки и вещи были погребены под слоем выравнивания поверхности под сооружение дворика и новых помещений.

По данным авторов раскопок, подвал был построен в конце I в. н.э. и разрушен около середины II в. Над ним была наземная одноэтажная часть помещения, которая не сохранилась. Подвал узкий, прямоугольной формы, ориентирован длинной осью по линии восток — запад. Размеры его примерно $4,8 \times 1,75$ м, площадь около 8,5 кв. м. Он был вырублен в скале, его стены частично были сооружены из камня, за исключением южной стены: она была скальная. Пол также был скальный, а образовавшаяся со временем продольная трещина вдоль северной стены была заложена плоскими камнями, укрепленными со стороны стены орфостатными плитами (рис. 2: 2—4, 3: 1). Во время пожара обрушение здания происходило, видимо, с юго-западного угла. Вместе со строительными остатками вниз рухнули и предметы, находившиеся в наземной части помещения. В засыпи подвала зафиксировано значительное число разных форм краснолаковой, столовой, серолощенной и лепной посуды, гвозди, два наконечника стрел, замок, два ключа, обломки стеклянных сосудов, целый светильник, рыболовное грузило, астрагалы, костяное изделие, а также 5 бронзовых монет. Что касается амфорных находок, то их обнаружено немного, при этом часть из них открыта *in situ* на полу (рис. 3: 2). Важно, что состав амфор в данном комплексе абсолютно совпадает с набором сосудов тех же производственных центров в аналогичных постройках и в мусорных свалках времени чистки города после катастрофы середины II в. как внутри города, так и за его пределами. Внутри города нам известны факты сброса мусора в общегородскую цистерну на раскопе XIX (постройка 6), где было открыто беспрецедентное количество керамического материала (Arsen'eva, Böttger 1999: 423—427, Abb. 19—20), засыпь наземной части 16-й усадьбы в центральной части городища в квартале III (помещение ЕЗ) (Арсеньева, Науменко 1992: 58—59), а также засыпь башни 3 второго периода (Арсеньева, Науменко 2004: 35—36, 68—71, табл. 5—8). За пределами города известно использование заброшенных построек в Западном городском районе после прекращения его существования в I в. н.э. На основании материалов, полученных при исследовании этих комплексов в 1960—1961 гг., И.С. Каменецкому удалось проследить все формы керамической тары, поступавшей в город на протяжении I—II вв. н.э. (Каменецкий 1969: 139—147, табл. I—II, IV: 1—8, 11—18). Кроме того, огромное число фрагментов разбитых амфор, краснолаковой и столовой посуды I — первой половины II вв. н.э. было сброшено в пустую яму-глинище в северной части города за пределами оборонительного рва цитадели (Арсеньева, Власкин 1998: 18; Арсеньева, Науменко 2001: 60). Раскопки самого крупного мусорного холма в Нижнем городе у реки к югу от железной дороги, проведенные в 2000—2003 гг. (Казакова 2004: 234), дали аналогичный материал.

В публикуемом комплексе зафиксировано две целых амфоры и значительное число фрагментов — как профильных частей, так и стенок. У западной стены подвала лежала амфора очень похожая по форме на сосуды типа Зеест 84 (Зеест 1960: 116, 171, табл. XXXV: 84). У этих сосудов красная или розоватая с фиолетовым оттенком глина, венчик в виде округлого широко подрезанного снизу валика, а на горле часто 3—4 рельефных желобка. Коническая ножка в большинстве случаев имеет следы от подставки для просушивания. Емкость подобных сосудов от 70 до 80 л, в то время как объем нашей амфоры лишь 53,7 л. Она меньше и по размеру, венчик менее выразительный, да и глина светлая оранжеватая (рис. 3: 2, 4: 1).

Самая крупная в подвале амфора типа Усадьбы 20-21 (Арсеньева, Науменко 1992: 141—142, рис. 20—21). Она является одним из нескольких вариантов типа оранжевоглиняных сосудов, бытовавших в Танаисе в I—II вв. н.э. Впервые на эти амфоры обратил внимание И.С. Каменецкий, обрабатывая материалы из раскопок 1960 г. на одном из восточных участков западного городского района. Он выделил серию венчиков, ручек и ножек красноглиняных амфор, определив для них по данным стратиграфии нижнюю границу — рубеж н.э., верхнюю —

II в. н.э. Однако исследователь не смог объединить отдельные профильные части в типы из-за чрезвычайной фрагментарности материала, происходившего главным образом из мусорных напластований, перекрывших комплексы последних двух веков до н.э. (Каменецкий 1969: 136—147). И.Б. Зеест в своем каталоге приводит один экземпляр, похожий на эту серию сосудов, который датирует рубежом н.э. — II вв. н.э. (Зеест 1960: 111, 165, табл. XXIX: 69). Коллекция музея Танаиса располагает несколькими целыми формами и огромным числом фрагментов, обнаруженных на территории городища в немногочисленных закрытых комплексах середины II в. н.э. вместе с амфорами типа С по Шелову, типа Зеест 83, сосудами с воронковидным горлом, синопскими амфорами типа Син II по Внукову (Внуков 2006: 16, рис. 1: 12), а также в переотложенных слоях и мусорных свалках. Это довольно крупные амфоры с более или менее массивными венцами, имеющими разную профилировку, с широкими, расширяющимися книзу горлами; с сильно покатыми плечами и коническими туловами, плавно завершающимися высокими и массивными коническими или цилиндрическими ножками, иногда со спиралевидным рифлением. Их ручки, имеющие разную профилировку, массивные, широко расставлены; глина часто идентична, в основном, оранжевая, отличается примесями, иногда в тесте присутствует слюда, золотистая или белая. Очевидно, что этот тип производился в разных центрах. Следует отметить, что подобные амфоры, иногда менее крупные, широко использовались во II в. н.э. для погребения в них детей. На основании танаисских материалов представляется возможным выделить среди этой серии многочисленных широкогорлых сосудов семь вариантов, которые поступали в город, очевидно, с начала II в. н.э., а некоторые варианты и с конца I в. н.э. и бытовали до середины II в. н.э. и позже. Лишь единичные экземпляры встречены в закрытых комплексах первой половины III в. н.э.; очевидно, эта форма бытовала в Танаисе в течение II—III вв. н.э. (Арсеньева, Науменко 1992: 141—142, 156, рис. 20—21, 36: 2). Находки амфор этого типа известны в Кноссе как тип 39 (Hayes 1983: 155, fig. 25: 91), распространены в Нижнем Подунавье в период II—III вв. н.э. (Oraiț 1980: 308, fig. X: 2, XV: 1; 1987: 247—250, fig. 2: 1, 3a-b, 3: 1—2), зафиксированы они в погребальных комплексах II—III вв. н.э. в Томах (Radulescu 1976: 103—104, fig. III: 3; IV: 1—2). Похожие амфоры изданы в одной из последних работ Д. Кассаб-Тезгер, отмечающей их как имитацию типа Зеест 75, что не совсем корректно, поскольку и морфологически, и по глине они сильно отличаются и, как нам представляется, центры производства у них разные. Лишь несколько экземпляров, практически идентичных типу Усадьбы 20-21 из музеев Синопы, Амастрии и Эрегли, она относит к типу Troemis X = Aegyssus IB, ссылаясь при этом на А. Опайта, на его публикации 1987 и 2016 гг. Она отмечает, что, по мнению А. Опайта, в этих сосудах кроме вина, транспортировались и рыба, и оливки, а датирует он их I в. и третьей четвертью II в. н.э. (Dominique Kassab Tezgör 2021: 64—66, 146—147, pl. XXIV—XXV, cat. 133—136).

У нашего экземпляра венчик низкий и широкий валик, слегка загнутый внутрь, верхняя площадка профилирована желобком и чуть скошена наружу, сбоку он округлен, а снизу глубоко рассечен. Горло широкое и высокое, под венчиком припухлое, книзу плавно расширяется, переход к плечам выделен изнутри утолщением и ребром, под венчиком между ручками узкая врезная линия; плечи узкие и слабо покатые. Тулово коническое, стенки у дна слабовыпуклые; ножка массивная и высокая, коническая; ручки в сечении овальные расходятся в стороны за пределы тулова, максимальный размах их в верхней части, на внешней поверхности широкий асимметричный валик, крепятся широкими прилепами под венчиком, чуть приподнимаются кверху, изгибаются широкой дугой и опускаются на края плечей. Глина плотная, коричневато-красная с оранжевым оттенком, с черными и белыми частицами и редко мельчайшей слюдой. Высота сосуда 103 см. диаметр венчика 20,4 см,

диаметр тулова 46,0 см, объем амфоры примерно от 57 до 70 л. (рис. 4: 2). Центры производства этой серии сосудов из оранжевой глины точно пока не установлены.

Еще одна амфора из коричневой глины с широким плоским дном, более похожая на кувшин, была открыта в заполнении подвала. Центр производства таких сосудов пока не установлен. Они встречаются в Танаисе в основном в закрытых комплексах середины II в. н.э. и просуществовали, очевидно, до середины III в. н.э.; во всяком случае, они встречаются редко в закрытых комплексах середины этого столетия (Арсеньева, Шелов 1974: 141, табл. VI: 4; Арсеньева, Науменко 1992: 81, рис. 60: 6; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, рис. 11, 1; Arsen'eva, Böttger 1999: 426, Abb. 19: 3). Отличаются устойчивостью формы и незначительными колебаниями оттенков коричневой глины от светло-оранжевого до бежевого, иногда с небольшим количеством мелкой слюды. Характерным является расположение ручек на плечах. Аналогичная амфора известна в комплексе ямы середины II в. н.э. на акрополе Пантикапея вместе с амфорой типа С (Журавлев, Ломтадзе 1999: 98, рис. 2: 15). Венчик у нашей амфоры отогнут наружу, с утолщенным и округленным сверху краем, образующий воронку, сбоку профилирован желобком, снизу косо подрезан. Горло узкое, книзу расширяется; плечи широкие, выпуклые; тулово коническое. Донце широкое, плоское; ручки в форме арки, уплощенно-овальные в сечении, профилированы снаружи одним широким желобком, крепятся на плечах. Глина рыхлая, темно-красная с оранжевым оттенком, к ядру коричневая с мелкими белыми и черными частицами. Высота 48,0 см, диаметр венчика 9,9 см, диаметр тулова 28,4 см, диаметр дна 10,8 см, объем около 13,2 л. (рис. 4: 3).

В подвале были зафиксированы и находки одной из важных для датировки групп сосудов — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа С (Шелов 1978: 17, рис. 6) или тип С IV, вариант С, гераклеяского производства (Внуков 2006: 16, 167, рис. 1: 9). Это 2 амфоры без горл, 4 горла, 2 ножки (рис. 3: 2, 5: 1—3). Наши экземпляры относятся к самому раннему варианту этого типа с датой первая половина II в. н.э. Танаисская коллекция статистически насчитывает более 4 000 единиц целых и профильных частей по состоянию на 2000 г. Морфологически выделены самые ранние образцы амфор типа С, существенно отличающиеся от предшествующего типа В, прежде всего формой венчика, тулова и профилировкой ручек. Высота их такая же, или чуть ниже, но объем, наоборот, увеличивается. Венчик становится более массивным и широким при таком же высоком и узком горле, но уже без припухлости в верхней части, тулово сильно раздувается в верхней части, а ножка становится шире, чем у второго варианта типа В, ручки также широко расставлены, но их профилировка изменилась, превратившись в один боковой валик, рассеченный врезной линией, образующей два разновеликих валика (Науменко 2012: 65—66, 79, рис. 5: 2—3; Науменко 2017: 25, рис. 4: 4 C1).

Кроме того, в комплексе встречены фрагменты довольно редких форм сосудов, укладываемых в дату до середины II в. н.э. Это и обломки вариантов амфор с воронковидным горлом, и фрагменты других сосудов пока неустановленных центров (рис. 5: 4—6).

Краснолаковая керамика, являющаяся также одним из важнейших хронологических маркеров в закрытых комплексах Танаиса, представлена тарелками, мисками, чашами и кубками в основном понтийского производства (понтийская сигиллата А) и несколькими фрагментами пергамской сигиллаты, дата которых укладывается в период конец I — первая половина II в. н.э. Так среди тарелок образцы понтийской сигиллаты А: тарелки формы 3.1 по Журавлеву, на кольцевом поддоне с сильно или менее сильно вогнутым бортиком, на дне одной из них оттиснуто клеймо *planta pedis*, окруженное тремя кольцевыми нарезками (рис. 6: 1, 3) (Журавлев 2010: 135—136, кат. 94; Гущина, Журавлев 2016: 30). Еще три тарелки формы 4.2 по Журавлеву с прямым и невысоким бортиком, дно их украшено двумя или

четырьмя поясками насечек, на одной из них в центре нечеткое клеймо, возможно, *planta redis* (рис. 6: 2, 4—5) (Журавлев 2010: 135—137, кат. 106, 108, 117; Гущина, Журавлев 2016: 31). Еще одна тарелка формы 6.3 по Журавлеву на кольцевом поддоне с полусферическим туловом и горизонтально отогнутым краем, на дне орнамент в виде трех рядов косых насечек (рис. 7: 1) (Журавлев 2010: 138, кат. 132; Гущина, Журавлев 2016: 33). Встречены и тарелки с полусферическим туловом, с невысоким прямым бортиком, похожим на сосуды формы 9 по Журавлеву, и уплощенным отогнутым наружу краем, образующим «площадку» (Журавлев 2010: 139, кат. 141; Гущина, Журавлев 2016: 34). У одной из тарелок на стенке у кольцевого поддона волнистость (рис. 7: 2, 3). Подобная форма тарелок находит аналогии в продукции итальянских мастеров (Журавлев 2006: 167, рис. 1: 11—12).

Среди мисок два экземпляра формы 14.3 по Журавлеву с расширяющимся кверху туловом и чуть загнутым внутрь и подрезанным изнутри краем. На дне орнамент из двух рядов насечек (рис. 7: 4—5) (Журавлев 2010: 141, кат. 155; Гущина, Журавлев 2016: 36).

Что касается чаш, то выделяются три экземпляра: одна из них глубокая, на кольцевом поддоне, неширокий край горизонтально отогнут, стенки у поддона волнистые. Ниже под краем врезная бороздка, на ней ручка-налеп (рис. 8: 1). Другая чаша формы 30.3 по Журавлеву с вогнутыми стенками, чуть отогнутым внутрь бортиком, край чуть подрезан снаружи, дно почти плоское, с внешней стороны бортика имеются кольцевые бороздки (рис. 8: 2) (Журавлев 2010: 146, кат. 206; Гущина, Журавлев 2016: 39). Третья чаша с вогнутым бортиком, отогнутым внутрь и закругленным краем (рис. 8: 3). В подвале обнаружены и фрагменты кубка (дно и ручки не сохранились) формы 31 по Журавлеву с округленным туловом, чуть отогнутым венчиком и скругленным краем (рис. 8: 4) (Журавлев 2010: 147, кат. 217; Гущина, Журавлев 2016: 39). Отметим еще и фрагмент канфара с верхней частью ручки, орнаментированной сверху елочкой. Венчик сосуда горизонтально отогнут и сверху профилирован желобком, снизу выделен валиком (рис. 9: 1). В подвале зафиксированы и два образца пергамской сигиллаты (мастерская Чандарли). Это миски с прямым бортиком и резко выступающим нижним ребром, край скруглен, дно на кольцевом поддоне. На внешней поверхности тулова одной из мисок круговые бороздки (рис. 9: 2—3). Подобные сосуды известны в Танаисе в комплексах II в. н.э. (Арсеньева 1985: 83, рис. 3: 1—4; Журавлев 1998: 34—35, табл. 2: 1—3). Среди краснолаковых сосудов в подвале были и фрагменты кувшинчиков. Столовая посуда представлена гончарными крышками, мисками, кувшинами, среди которых один крупный сосуд с одной ручкой, похожий на амфору (рис 10: 1).

Среди прочих артефактов отметим костяной предмет в виде прямоугольной в сечении трубочки, все грани которой орнаментированы прямыми или крестообразными насечками. Поверхность тщательно заполирована. Возможно, он служил игольником (рис 9: 4). Еще одна интересная находка — гончарный светильник (тип 7 по Арсеньевой). Резервуар круглый со слегка вогнутым щитком, обрамленным двумя вдавленными желобками, в центре сквозное отверстие для масла. Рожок короткий с округленным окончанием и отверстием для фитиля. Ручка возвышается над резервуаром, она снабжена листовидной пластиной подтреугольной формы. На пластине рельефный орнамент в виде елочки, в верхней части и у основания пластины округлые выпуклости. В своей работе Т.М. Арсеньева отмечала, что светильники, украшенные подобного рода пластинами на ручках, встречаются довольно часто, но в Танаисе были открыты пока удлиненной формы с вытянутым рожком. Однако пластина, приведенная ею в каталоге под № 2 абсолютно идентична пластине на нашем светильнике (Арсеньева 1988: 49—50, табл. I: 6; X: 2; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 19). Форма подобных светильников широко известна, варьирует только иконография. Они

производились в различных центрах, в том числе и в провинциально-римских мастерских (Журавлев, Турова 2016: 356—357, табл. 8: 32; Böttger 2002: 12, 90, Cat. 46, Taf. 4: 46).

Лепная кухонная посуда (не менее 13 экземпляров) представлена в основном простыми горшками, реже встречены миски и крышки. Горшки, как правило, с высокими прямыми венчиками, отогнутыми наружу в той или иной степени, с округлыми или скошенными наружу краями, орнаментированными насечками или вдавлениями. На плечах часты орнаменты из косых бороздок, а также мелкие вертикальные налепы, иногда рассеченные выемкой. Поверхность часто шершавая и покрыта расчесами (рис. 11). Они практически не отличаются от лепных сосудов из закрытых комплексов середины III в. н.э. (Арсеньева 1969: 183, 189, табл. II: 2, VII: 12, 15; Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 16—17).

В подвале зафиксировано 27 железных гвоздей, две железные трехлопастные стрелы, железный замок и ключи (Arsen'eva, Böttger 1997: 451, Abb. 18). На разных уровнях заполнения в комплексе найдены 5 монет, одна из которых плохой сохранности. Монеты охватывают время от Аспурга (14—37 гг. н.э.) до Реметалка (131—154 гг. н.э.) и подтверждают дату прекращения функционирования подвала около середины II в. н.э. (Arsen'eva, Böttger 1997: 451; Bezuglov 1998: 427, 445, Cat 94, Abb. 2: 94; 446, Cat 102, Abb. 1: 102; Bezuglov 2001: 287—288, кат. 803—804, 808, 811), что соответствует дате позднесарматского разгрома Танаиса, установленной на основании анализа нумизматического материала из остальных подобных комплексов — между концом 30-х и началом 70-х гг. II н.э. (Безуглов 2001: 110, 112).

Довольно любопытен набор неантичной кружальной сероглиняной лощёной керамики из Восточного подвала, состоящий из фрагментов 14 типологически определимых (за исключением одного) сосудов. Как и везде в жилых комплексах Танаиса II—III вв. н.э., такая керамика подразделяется на две отчётливо различающиеся в технологическом отношении группы: меотскую (8 экз.) и аланскую (6 экз.). Ниже мы ещё коснёмся этих различий, которые известны специалистам с тех пор, как были достаточно подробно описаны (Гугуев 1993: 114—115, 117; Гугуев и др. 2017). А пока обратимся к рассмотрению аналогий нашим сосудам в синхронных памятниках Нижнего Дона и Центрального Предкавказья.

Некоторые изделия первой группы принадлежат к типам, очень часто встречающимся в Танаисе, на городищах его округи, а также в степных сарматских захоронениях Нижнего Подонья и Поволжья. Миски с наклонённым внутрь прямым бортиком и венчиком-выступом, аналогичные найденным в Восточном подвале (рис. 13: 2—3, 5), распространяются во II в. н.э. (Косяненко 2006: 66—68). Такие сосуды обнаружены и в относящейся, по-видимому, ко II в. н.э. одной из меотских гончарных печей, исследованных на Кобяковом городище (Братченко, Косяненко 1994: 80—85, рис. 35: 1—8). В конце этого столетия и в первой половине следующего данный тип постепенно вытесняет поздние варианты мисок с желобчатым бортиком, которые уже не встречаются в танаисских помещениях, погибших в начале 50-х гг. III в. н.э. (Гугуев, 2020: 209).

Кубышки средних размеров — с высоким слегка отогнутым прямым венчиком (его можно описать и как слабо расширяющееся кверху горло без выделенного венчика) и округло-биконическим туловом (рис. 12: 1) и близкая к ней по форме, но отличающаяся более низким сильнее отогнутым, изогнутым венчиком и более округлым туловом (рис. 12: 2)¹ — принадлежат не к такому распространённому, как упомянутые миски, типу (типам?). Похожий сосуд найден, к примеру, в погребении I в. н.э. некрополя Крепостного городища (Горбенко, Косяненко 2011: 74—75, 327, табл. XIX: 11, рис. 93: 4). Уникальной особенностью второй кубышки из Восточного подвала является наличие на ней рельефного

¹ Ранее данный сосуд был неверно атрибутирован нами как аланский (Науменко, Гугуев 2020: 271, рис. 1: 3).

тамгообразного знака (рис. 12: 2, 16: 1). Необычно и горизонтальное размещение тамги на гончарном изделии². Знаки такой схемы встречаются в северопонтийском регионе и далеко за его пределами, однако точной аналогии тамге на сосуде обнаружить не удалось. У известных нам подобных знаков внутри «двузубцев» отсутствует дуговидный выступ (см., например, знаки на германских железных наконечниках копий II—III вв. н.э. (Яценко, Добжаньска 2012: 500, 505, рис. 2: 6, 4: 19)). Как ни странно, ближе всего по начертанию к танаисской тамге знак из сасанидского Ирана (Драчук 1975: 150, табл. XXVI: 49), что, вероятно, просто совпадение.

Два меотских сосуда из Восточного подвала относятся к довольно редким типам. На Дону нам известно только одно керамическое изделие, близко напоминающее по форме обнаруженное в подвале средних размеров блюдо с горизонтально отогнутым венчиком, вертикальным бортиком и слабо выпуклым дном на трёх симметрично расположенных L-образных ножках («сапожках») (рис. 13: 1, 16: 2) — блюдец («вазочка») из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества (Беспаспортная случайная находка: Арх-401 КП 3779) (Кат. Раев 1979: ном. 30, отд. II: 23). От танаисского сосуда оно отличается меньшими размерами (диаметр 14,2 см, общая высота 4,8—5,0 см), несколько иной профилировкой бортика (сильнее отогнут, венчик-выступ приострён, верхний слегка выпуклый его край наклонён наружу) и дна (вогнутое), а также количеством симметрично расположенных L-образных ножек (четыре) (рис. 17). Несмотря на то, что блюдец заложено на круге, его рыхловатое светло-коричневое тесто, содержащее чуть более тёмные, чем наполнитель, частицы размером до 1 мм (рис. 17), совсем не похоже на формовочные массы меотской или аланской лощёной гончарной сероглиняной керамики. На внутренней поверхности дна в центре блюдца есть слабо различимое неправильно-овальное пальцевое вдавление (имитация клейма?). Такое впечатление, что блюдец представляет собой античную же реплику средиземноморского или понтийского гончарного сосуда большего размера. И, вероятно, именно такие крупные сосуды послужили образцом для нижнедонского гончара-меота, изготовившего блюдо на ножках из Восточного подвала³.

Найти в литературе эту гипотетическую форму нам пока не удалось. Отдельные её элементы присущи некоторым типам подобных сосудов. Например, трёхногие гончарные сероглиняные тарелки, близкие сосуду из Восточного подвала по размерам, а в ряде случаев и по профилировке бортика, известны в погребениях Дакии и Нижней Мезии (где они, вероятно, и произведены) середины II в. н.э. Правда, их ножки не L-образные, а образованы прорезями в высоком полом коническом поддоне (Exhibition Cat 2018: 120, 138, 139: num. 314, 367—369, 370). В понтийской сигиллате В, датирующейся II в. н.э. (без первой его четверти), известно небольшое краснолаковое блюдо на трёх ножках: форма его ножек и резервуара несколько иная (Catalogue of the exh. 2006: num. 89). Очень похожий, но более крупный краснолаковый сосуд («тарелка») на трёх ножках происходит из Пантикапея⁴.

² Не связано ли оно с крупными размерами знака? По длине (высоте) он несколько превышает ширину свободной от орнамента нижней части плечиков, на которую был нанесен. Имей знак вертикальное положение, нижняя его часть оказалась бы на перегибе формы, тогда как обычно тамги размещали на плоской поверхности.

³ Лепная меотская «вазочка» на трёх L-образных ножках происходит из ограбленной могилы (Раскопки А.А. Алейникова 2017 г., раскоп I, погребение 8) середины II — первой половины III в. н.э. некрополя Нижне-Гниловского городища. По размерам она очень близка новочеркасской (диаметр около 14 см, общая высота около 5 см), но имеет близкую к полусферической форму резервуара и её бортик иной конфигурации, чем у новочеркасского и танаисского сосудов (информация В.К. Гугуева).

⁴ Выражаем благодарность ст. науч. сотр. ГИМ канд. ист. наук Д.В. Журавлёву, указавшему нам на некоторые античные параллели меотскому сосуду на трёх ножках из Восточного подвала.

На наш взгляд, наряду с античными морфологическими параллелями блюду из Восточного подвала стоит обратить внимание и на возможные функциональные соответствия ему в посуде местных приазовских и северокавказских племён. В этой связи приходят на ум, прежде всего, средних и крупных размеров меотские и аланские блюда («миски», «вазы») на полой цилиндрической или конической ножке из грунтовых меотских погребений I — первой половины II в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 77—78, 327, табл. XXI: 7; рис. 93: 5; Ларенок, 2016: 219—220, табл. 87: 9) и позднесарматских курганных и грунтовых меотских второй половины II — первой половины III в. н.э. (Беспалый, Лукьяшко 2008: 66, 84, табл. LXVI: 9, LXXXIV: 6; Ларенок 2013: 80, табл. 52: 17)⁵.

Интересно, что подобные сосуды делались также из дерева. В ограбленной катакомбе грунтового могильника Танаиса, где уцелели разнообразные предметы из органических материалов, было обнаружено средних размеров деревянное блюдо с низким загнутым внутрь бортиком на конической ножке (Беспалый 2016: 40, рис. 372, 373)⁶. Ещё одно деревянное блюдо на высокой ножке («ваза») найдено в склепе № 595 («Склеп жрицы») Усть-Альминского грунтового могильника (Зайцев 2000: 304, илл. 7: 5; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58, рис. 4: 3), в инвентаре которого, как справедливо указывают исследователи, отражено восточное (сарматское) влияние на культуру поздних скифов Крыма (Мордвинцева, Зайцев 2002: 61—62). Судя по выразительному уздечному набору позднесарматского облика (Зайцев 2000: 207, илл. 8), данный комплекс, скорее всего, датируется в пределах второй половины II — начала III в. н.э.

Вероятно, сосуд из Восточного подвала по назначению был близок также гончарному сероглиняному сосуду на трёх круглых в сечении низких ножках из грунтовой аланской катакомбы 734 Бесланского (Зилгинского) могильника в Северной Осетии, датирующейся первой половиной III в. н.э. (Малашев, Албегова 2018: 24—25, рис. 3). Авторы публикации причисляют свою находку к категории подносов (блюд) и сравнивают её, с одной стороны, с деревянным столиком-подносом с зооморфными ручками на четырёх съёмных ножках I в.

⁵ Среди нижнедонских меотских комплексов, содержащих блюда на ножке, особенно интересно погребение 73 Кобяковского могильника, раскопки 2000 г. — типичная меотская катакомба со шкурами животных во входной яме, в инвентаре которой, тем не менее, присутствовали яркие вещи степной позднесарматской воинской моды: серебряный уздечный набор и узкий длинный меч с длинной рукоятью, увенчанной халцедоновым навершием (Безуглов 2009: 410; Ларенок 2013: 79—82, табл. 50—52). Подобные захоронения, несомненно, одно из свидетельств степного влияния на Танаис и городища его окружи («сарматизации»), которое имело множество аспектов и особенно усилилось в конце II — первой половине III в. н.э. (см. ниже).

⁶ Данное погребение (раскопки Г.Е. Беспалого, 2012 г., погребение 30) само по себе весьма примечательно — широтно ориентированный земляной склеп-«катакомба» с каменным закладом и прямоугольной камерой, куда были помещены останки женщины в дощатом деревянном гробу. Кроме упомянутого блюда, в инвентарь могилы входили деревянный ритуальный сосуд-«котелок» (в отчёте — «глубокая деревянная миска») с отломанными от него фигурками («набор амулетов») козлика, птички и кошачьего хищника (по-видимому, сосуд функционально близок найденным в склепах №№ 595 и 700 Усть-Альминского могильника (Зайцев, 2000: 302—304, 315—316, илл. 5, 6; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58—61, рис. 4: 1, 2, 5: 3) и в погребении 73 Кобяковского могильника (Ларенок 2013: 80, табл. 52: 16), шкатулка с костяными накладками, бронзовыми и железными деталями, два оригинальной формы лепных сосуда («светильника»), аналог которым известен в одном из донских подкурганых сарматских захоронений, горшок и параллелепипедная (позднесарматская) курильница на ножке, стеклянные стаканы, бусы, золотые бляшки и многое другое (Беспалый 2016: 37—41, рис. 257—385). Этот яркий комплекс относится к группе грунтовых и курганных склепов Танаиса второй половины II — первой половины III в. н.э., которых к настоящему времени раскопано более двух десятков. Несомненно, самые крупные, глубокие и богатые склепы, в инвентаре и обряде которых элементы боспорской и провинциально-римской культуры органически сочетаются с варварскими (сарматскими), принадлежали социальной элите Танаиса, в указанный период, в основном, позднесарматской по происхождению (Безуглов, Ильяшенко 2016). Кстати, в двух комплексах данной группы (курган 12, погребение 1, раскопки И.С. Каменецкого, 1972 г.; погребение 640, раскопки Г.Е. Беспалого, 2012 г.), помимо амфор, краснолаковых и стеклянных сосудов, обнаружена скромная аланская гончарная керамика (кувшинчики-кружки, кубышка).

н.э. из Карабудахкента (Дагестан) и трёхногими чашами-столиками городища Таргу (Дагестан) албано-сарматского времени, с другой — с деревянными столиками из аланских катакомб эпохи раннего и развитого средневековья, в которых все специалисты практически единодушно видят функциональные аналоги (ранние варианты) традиционного осетинского «фынга» — ритуального/бытового столика (подобные столики используются и донныне многими народами Кавказа) для мяса и пирогов (Гаджиев, Давудов 2010: 354—356, рис. 1, 3: 1—16; Малашев, Албегова 2018: 28—32, рис. 4: 1—12). Отметим сходство танаисского и бесланского керамических изделий с подавляющим большинством средневековых аланских и известных этнографически более поздних «фынгов» по количеству ножек (три), которое было семантически значимо и акцентируется в осетинском фольклоре (Гаджиев, Давудов 2010: 356—357). Резное деревянное блюдо (столлик-поднос) на четырёх низких квадратных в сечении ножках происходит из синхронного вышеупомянутому «Склепу жриц» склепа №700 Усть-Альминского могильника (Крым) (Мордвинцева, Зайцев 2002: 58—59, рис. 5: 4)⁷. Внутри этого блюда лежали кость крупного рогатого скота и железный нож, что, на наш взгляд, не оставляет сомнений в главной функции всех подобных предметов первых вв. н.э. — столики-подносы для мяса.

Высказано мнение, что тогда как столики с высокими ножками предполагали наличие стульев или табуретов, низкие подносы-блюда были рассчитаны на принятие пищи сидя на корточках и, таким образом, могут претендовать на роль специфической посуды, зародившейся ещё у скотоводов в эпоху бронзы, а затем используемой кочевниками раннего железного века и средневековья, в том числе сарматами и ранними аланами Кавказа (Гаджиев, Давудов 2010: 353—354; Малашев, Албегова 2018: 28). Подчеркнём, что в тех случаях, когда деревянные/керамические подносы-блюда встречены в меотских (Нижнее Подонье) или позднескифских (Крым) погребениях II—III вв. н.э., обрядность и инвентарь таких комплексов (см. выше) далеки от «стандарта» и выделяются наличием ярких степных (позднесарматских) черт.

Не нашлось прямых морфологических аналогий происходящему из Восточного подвала средних размеров меотскому сосуду («котелку», «кастрюле») с двумя(?) массивными наклонёнными вниз короткими ручками-упорами и венчиком выступом (рис. 13: 4)⁸. Высокий, слегка выпуклый и едва заметно загнутый внутрь бортик этого сосуда в верхней части оформлен горизонтальными желобками, что напоминает соответствующее оформление бортика массового типа нижнедонских мисок I—II вв. н.э. (Косяненко 2006: 64—66, 68; Гугуев, Нечипорук 2020: 209), отдельные варианты которого заходят в III в. н.э., но, как было сказано выше, по-видимому, не доживают до его середины.

Завершая характеристику меотской посуды из Восточного подвала, упомянем типологически неопределимый фрагмент дна с придонной частью тулова, принадлежавший закрытому сосуду, вероятно, кувшину или горшку средних размеров.

Керамика второй группы из подвала (аланская) представлена в основном распространёнными типами. К ним относятся миски с загнутым бортиком и прогибом стенок

⁷ Возможно, аналогичное блюдо входило и в набор посуды из «Склепа жриц», где обнаружена деревянная «тарелка» высотой 7,0 см с плоским дном и прямым отогнутым наружу венчиком диаметром 32,0 см. По дну «тарелки» прочерчена сетка с крупными ячейками, в неё вписаны две схематичные фигуры лошадей (Зайцев 2000: 304, рис. 7: 4, 4а; Мордвинцева, Зайцев 2002: 58, рис. 4: 5). Отсутствие ножек у этого сосуда, очень близкого по форме и размерам к упомянутому блюду из склепа 700, может быть связано просто с неполной сохранностью.

⁸ Если только единственная уцелевшая ручка-упор, не стыкующаяся с небольшой отреставрированной частью тулова данного сосуда, действительно имела к нему отношение. Впрочем, по фактуре и цвету поверхности, составу керамического теста она очень похожа на фрагменты бортика и тулова.

у дна (рис. 14: 1, 15: 3) и небольшой кувшинчик-кружка с утраченной ручкой (кубышка?) со слегка расширяющимся кверху горлом и грушевидным («приземистым») туловом (рис. 15: 2). У аланов Кавказа во II—V вв. н.э. миски с загнутым бортиком абсолютно доминировали над другими мисками: на городищах это один из самых распространённых типов керамики, в катакомбных могильниках — наиболее часто встречающийся тип (Абрамова 1993: 142, 160, рис. 55: 1—4, 64: 1—6, 8; Деопик 1988: 183—184, рис. 12, 13; Габуев, Малашев 2009: 116—117, рис. 126: 9, 127). Множество аланских мисок с загнутым бортиком найдено в нижнедонских памятниках II — первой половины III в. н.э.: степных сарматских курганных захоронениях (Мошкова 1980: 50; Гугуев, Гугуев 1989: 73) и в Танаисе (Гугуев 1994: 120—121, рис. 11: 2; Гугуев и др. 2007: 439, рис. 7: 2—4, 8: 2). Попадают они и в грунтовых некрополях донских меотов (Гугуев, Гугуев 1989: 70, рис. 2: 3, 4; Ларенок 2021: 249, 273, табл. 163: 2, 176: 12, фото 6: 8, 11). Аланские кувшинчики-кружки обычно снабжены зооморфными ручками — петлевидными с налечами разных форм или со срезанным отростком в верхней части (характерное для аланской керамики стилизованное изображение кабана) (Абрамова 1993: 138, рис. 52: 14—17; Деопик 1988: 182, рис. 10в; Габуев, Малашев 2009: 117—119, рис. 128: 1—4, 7, 12, 13; Гугуев 1993: 118—119, рис. 7: 3, 5, 6). Такие сосуды есть в нижнедонских памятниках II — первой половины III в. н.э. (Гугуев 1993: 118—119, рис. 7: 3, 5, 6; Гугуев, Гугуев 1989: 70, рис. 2: 1; Гугуев 2017: 135, рис. 8: 4). Аланские кубышки (Абрамова 1993: 136, 158, рис. 51: 4, 63: 15) также встречаются на Дону (Горбенко, Косяненко 2011: 74—75, табл. XIX: 8, 9).

Сосуд со сфероконическим туловом и слегка расширяющимся кверху горлом, декорированным в нижней части горизонтально проложенными желобками (рис. 15: 4), несмотря на отсутствие у него венчика и ручки, по-видимому, также можно отнести к массово производившейся разновидности аланских средних и крупных лощёных (и нелощёных — с заглаженной томлёной поверхностью) кувшинов II—IV вв. н.э. Такие сосуды, встречающиеся как в Центральном Предкавказье, так и на Нижнем Дону, обычно имеют валикообразный (иногда, впрочем, без валика) венчик и слабо изогнутую ручку, зачастую со слабо намеченным стилизованным зооморфным выступом сверху (Деопик 1988: 182, рис. 36: 1, 2, 10а; Габуев, Малашев 2009: 120, рис. 130: 1—5; Гугуев 1993: 118, рис. 6: 1—4, 7: 1; Гугуев и др. 2007: 437—438, рис. 3: 1, 3—5).

К распространённой в Предкавказье и Нижнем Дону разновидности аланской посуды принадлежит средних размеров корчага со слегка отогнутым утолщённым венчиком, высоким туловом и парой симметрично расположенных на плечиках подковообразных налепов—ушек, в которых проделано вертикальное отверстие для подвешивания. Её тулово ниже плечиков декорировано двумя широкими полосами ломаного зигзага из сгруппированных по три проложенных параллельных желобков. Зигзагообразные полосы разделены полоской из двух горизонтально проложенных желобков и ограничены сверху и снизу аналогичными полосками (рис. 15: 1, 16: 4). Подобные сосуды среднего и крупного размера изготавливались аланами во II—V вв. н.э. в нескольких вариантах: 1) с низким сфероконическим туловом и ушками для подвешивания на плечиках (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 3; Габуев, Малашев 2009: 121), 2) с аналогичной формы туловом и парой крупных ручек (как у аланских двуручных кувшинов) в месте наибольшего расширения тулова (Деопик 1988: 182, рис. 11; Габуев, Малашев 2009: 121), 3) с аналогичной формы туловом, парой ручек и парой ушек, расположенными перпендикулярно (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 4; Габуев, Малашев 2009: 121, рис. 72: 1, 112: 4, 131: 3, 4). Существуют также небольшие корчажки с ушками, полностью повторяющие по форме более крупные сосуды без ручек (Гугуев 1993: 120, рис. 10: 5). Венчики корчаг и корчажек высокие вертикальные, часто с

небольшим наклоном внутрь или, как в нашем случае, отогнутые и утолщённые. Корчаги и корчажки нередко накрывались крышкой — с прямым вертикальным краем или иного типа (Габуев, Малашев 2009: 43—44, рис. 72: 1, 2), но сосуд из Восточного подвала крышки, вероятно, не имел. Необычным элементом его морфологии является высокое («бомбовидное») тулово. Подобные корчаги нам неизвестны. Вообще, этот сосуд — один из наиболее ранних экземпляров данной разновидности формы, с чем, возможно, и связана названная его особенность. Пролощенный декор из полос ломаного зигзага, ограниченных горизонтальными желобками, не редкость для разных типов аланской посуды II—IV вв. н.э., в частности, кувшинов (Arzhantseva et al. 2000: fig. 7; Габуев, Малашев 2009: рис. 15: 3, 93: 14), тогда как для меотской кружалной керамики он совсем не характерен.

Типологическую атрибуцию крупного кувшина (рис. 14: 2, 16: 3) затрудняет плохая сохранность. Тем не менее, основные элементы его формы (расширяющееся кверху горло, которое, кстати, могло иметь и ойнохоевидный слив, слабо изогнутая овальная в сечении ручка с округлым налёпом—выступом в верхней части) характерны именно для аланской керамики Кавказа и Нижнего Дона II—IV вв. н.э.

Долгое время один из авторов этих строк, вслед за М.П. Абрамовой и М.Г. Мошковой, считал всю найденную на Нижнем Дону и, в частности, в Танаисе аланскую сероглиняную посуду первых вв. н.э. импортом из Центрального Предкавказья (Абрамова 1979: 47—48; Мошкова 1980: 45—55; Гугуев, Гугуев 1989: 72—75; Гугуев и др. 2007: 434, 436—440, 442). Такой версии не противоречили результаты выполненных в 2003—2004 гг. минералогическо-петрографических исследований нескольких десятков её образцов из Танаиса в сравнении с эталонами, собранными на городищах Северной Осетии (Зилгинское, Брутское, Карджинское, Киевское) (Гугуев и др. 2017). Однако в последнее десятилетие получены новые принципиальные данные о существовании на Крепостном и Подазовском меотских городищах (левый берег Дона, в черте современного г. Азов) очага аланского гончарства. Здесь по кавказской технологии (крупные примеси в тесте, круг медленного вращения, ленточное наращивание тулова и горла, крепление ручек через отверстие в стенке, рельефные знаки и отпечатки досок круга на дне) производилась керамика специфических аланских типов — миски с загнутым бортиком, горшки с отогнутым, декорированным косыми насечками венчиком, кувшины с валикообразным венчиком, крупные двуручные кувшины и др. (Масловский, Косяненко 2011: 371—387, рис. 2—9). Особенно важны находки изготовленных посредством наращивания узкими лентами полых трубчатых («муфтообразных») цилиндрических предметов не вполне ясного функционального назначения (подставки—разделители для сушки или обжига мисок? сопла между горном и мехами?) (Гончарова и др. 2016: 76—77), которые раньше ошибочно считались курильницами (Березин 2019). «Подставки» такой формы практически никогда не встречаются у меотов и надёжно маркируют аланское керамическое производство II—IV вв. н.э. (Гугуев и др. 2017: 53; Березин 2019: 54—55)⁹.

Новейшие исследования не оставляют сомнений в том, что аланские гончарные мастерские функционировали уже во II в. н.э., т.к. в слое, заполнявшем ров Подазовского городища, фрагменты перечисленных выше типов сероглиняной посуды обнаружены вместе с обломками амфор конца I—II вв. н.э.: гераклейских светлоглиняных с профилированными

⁹ Меотские подставки, найденные внутри печей и связанные с производством гончарной керамики, имеют более крупные размеры и выглядят несколько иначе: они больше похожи на античные (Косяненко 2006: 83—84, рис. 31: 6—8).

ручками типов CIV варианта С (он преобладал) и CIV варианта В, типа Син II по Внукову, типов Зеест 90 и 83 и оранжевоглиняных неизвестных центров¹⁰.

Таким образом, можно утверждать, что формирование в первой половине II в. н.э. или самое начало развития (вторая половина II в. н.э.) в Центральном Предкавказье аланской археологической культуры (Габуев, Малашев 2009: 148—153) ознаменовалось переселением на Нижний Дон части её носителей. Это первое переселение, по-видимому, не было столь масштабным, как миграция кавказских аланов-кочевников в середине следующего столетия, которая имела характер военной экспансии, радикально изменившей культурный облик обширного степного региона между Волгой и Дунаем (Безуглов 2008: 285—292). Скорее всего, во II в. н.э. с Кавказа на Нижний Дон переместилось только небольшое количество оседлых аланов (гончары с семьями?). Они поселились на меотских городищах (только левобережных?) и, может быть, в Танаисе, где, наряду с огромным количеством аланской посуды (Гугуев 1993; Гугуев и др. 2007; Гугуев и др. 2017), были обнаружены единичные цилиндрические «подставки» (Арсеньева 1965: 187, табл. V: 1): в свете новой информации эти давние находки уже не выглядят как случайность¹¹.

Изложенные выше факты и соображения заставляют нас вернуться к гипотезе, объясняющей наличие аланских гончарных изделий в Танаисе римского времени сочетанием импорта с местным производством, которая была сформулирована одним из авторов настоящей работы (Гугуев 1993: 23), но до сих пор не рассматривалась им в качестве основной. По-видимому, единственное технологическое отличие аланской керамики с левобережных донских городищ от произведённой в Центральном Предкавказье состоит в

¹⁰ Шурф во рву Подазовского городища, раскопки А.П. Минаева, 2019 г., пласты 16—22. Материал пока не опубликован. Типологические определения и датировка профильных частей амфор из шурфа выполнены С.А. Науменко.

¹¹ Сходные следы присутствия центральнокавказских аланов отмечены и на ряде меотских городищ (пососедству с городищами) правобережья Средней Кубани. Производственный комплекс аланской культуры был исследован в 1986 г. возле ст. Старокорсунской на обрывистом, абразирующем берегу Краснодарского водохранилища, где фиксировался перекрывший меотский грунтовой могильник городища Старокорсунского № 3 культурный слой. В нём было обнаружено несколько десятков целых и фрагментированных полых цилиндрических «подставок», а также фрагменты другой аланской гончарной керамики (горшков с отогнутым, декорированным насечками венчиком, мисок с загнутым бортиком и др.) (Кондрашов 1986: 122—123, илл. 614—619; Каминский, Кондрашов 1988: 60—61, 63—64, рис. 1, 2). Часть этого материала находилась в 0,5—0,9 м от дневной поверхности на «площадке» неправильных очертаний, вытянутой по линии ВСВ—ЗЮЗ, имевшей размеры 1,6 × 0,5 м и «выложенной» комками обожжённой глины. Здесь же была обнаружена небольшая железная крица. С ВСВ стороны «площадка» была ограничена «алтариком в форме полукруга» с обожжёнными горизонтальным дном и вертикальными стенками, сохранившимися в высоту на 0,1—0,2 м. Дно «алтарика», на котором фиксировался тонкий слой золы, было покрыто небольшими комками обожжённой глины в два слоя. На чертеже в отчёте видно, что пол «площадки» при переходе в дно «алтарика» образует плавную низкую ступеньку (Кондрашов 1986: 122—123). Вероятно, краснодарские археологи доследовали разрушенный аланский горн (гончарный, сыродутный?), однако не разобрались, с чем имеют дело, поскольку над ними довлело почерпнутое из литературы представление о полых цилиндрических «подставках», как о курительницах, относящихся к эпохе средневековья. В результате производственный комплекс был ошибочно интерпретирован в качестве «святилища» и получил дату VII—IX вв., что, впрочем, не помешало исследователям дать ему правильную культурную атрибуцию — аланскую (Каминский, Кондрашов 1988: 60—61, 63—64). Довольно многочисленные фрагменты и целые экземпляры полых цилиндрических «подставок» и аланской кружальной посуды происходят с других городищ правого берега Кубани, а также из Закубанья (Каминский, Кондрашов 1988: 57, рис. 1: 7; Каменецкий 2006: 193—196, рис. 6: 34, 46, 47, 7: 66, 67). Пока не вполне ясно, как датируются все эти находки, комплексы и слои. А.В. Пьянков рассматривает их в контексте аланского присутствия на Кубани во второй половине III—IV в. н.э. (т.е. уже после исчезновения меотской культуры), которое вполне очевидно (Пьянков 2015: 257, 261—262). Однако, учитывая вышеупомянутые нижнедонские реалии, данный материал может отражать и факт проживания центральнокавказских аланов (аланских гончаров?) среди кубанских меотов в более ранний период — с середины II в. н.э. Актуальная тема аланских миграций на Западный Кавказ в первые века н.э. пока крайне слабо разработана, но, благодаря накопившемуся материалу, вполне могла бы стать предметом отдельного исследования.

отсутствии в тесте первой темноцветных минералов, входящих в состав песчано-гравийной смеси с берегов Терека и его притоков, и чёрного магнитного стекла¹², которые использовались в качестве отошителя кавказскими гончарами (Гугуев и др. 2017: 49, 51—52, рис. 5—9). На Подазовском и Крепостном городищах вместо них аланы добавляли в формовочную массу главным образом среднезернистую фракцию местного кварцевого песка (Масловский, Косяненко 2011: 371—384)¹³. Различие между нижнедонской и импортной аланской керамикой подчас трудноуловимо, т.к. с одной стороны, не вся собственно кавказская посуда содержит в тесте тёмные частицы, с другой, в аланской посуде, изготовленной на Дону, иногда есть искусственные или естественные примеси (шамот, бежевые включения) (Масловский, Косяненко 2011: 384), которые можно принять за вышеупомянутые кавказские. Данное обстоятельство затрудняет определение места производства ряда найденных в Танаисе и вообще на Нижнем Дону аланских сосудов, целых или представленных фрагментами: во всяком случае, при визуальном осмотре их поверхности и изломов. К примеру, как понять, в Центральном Предкавказье или на донских городищах (в Танаисе?) был изготовлен публикуемый нами крупный кувшин с расширяющимся горлом и налепом-выступом на ручке (рис. 4: 3), в тесте которого не заметно характерных кавказских примесей?

Впрочем, независимо от того, где была произведена аланская посуда, обнаруженная в Восточном подвале, обращает на себя внимание само её количество. Оно не столь велико, как в помещениях, погибших при разгроме Танаиса столетием позднее (около 251 г. н.э.), которые демонстрируют преобладание аланских гончарных изделий над меотскими в пропорции от 2 : 1 до 4 : 1 (Гугуев 1993: 122; Гугуев и др. 2007: 436—437, 440), но всё-таки довольно внушительно: 6 экземпляров из 14. Интересно, что это резко отличается от соотношения фрагментов меотских и аланских сосудов в мусорных слоях, образовавшихся единовременно в результате чистки города после сарматского разгрома середины II в. н.э.: мощном холме к югу от железной дороги или в огромной яме-глинище к северу от цитадели (см. выше). По нашим наблюдениям, сделанным при осмотре коллекций массового материала из этих объектов в фондах АМЗ «Танаис», обломки аланской сероглиняной посуды единичны, тогда как фрагменты меотской исчисляются многими десятками. Понятно, что соотношение меотских и аланских фрагментов в мусорном слое должно отражать общее соотношение двух названных больших групп неантичной гончарной керамики в Танаисе на момент разгрома середины II в. н.э. И возникает вопрос, почему в одном из закрытых комплексов, сформировавшихся в ходе этих событий, доля аланской посуды оказалась существенно выше, чем в целом по городу? В поисках возможного ответа на данный вопрос вернёмся к другой гипотезе одного из авторов этих строк, объясняющей широкое распространение аланской гончарной посуды в эмпории на Танаисе во II — первой половине III в. н.э. его экономическими контактами и присутствием в нём сарматов.

Надо сказать, что тема сарматского присутствия, и, в более широком смысле, той роли, которую сыграли степные номады в истории самого отдалённого северопонтийского центра

¹² Чёрное магнитное стекло является результатом преобразования в металлургическом производстве при температуре 1000—1100°C высокожелезистого хлорита-шамозита, содержащегося в большом количестве (до 30—35%) в кавказских неогеновых песках (например, возле Брутского городища в Северной Осетии). Примесь такого стекла в составе керамического теста свидетельствует о том, что в Центральном Предкавказье аланские гончары, по-видимому, использовали в качестве отошителей также металлургические отходы (Гугуев и др. 2017: 49, 51—52).

¹³ Местная меотская кружальная серолощёная посуда всегда содержит примесь мелкого (зерно размером до 0,1—0,25 мм) или измельчённого (пылевидного) кварцевого песка (маршалита), частички которого (размер менее 0,25 мм) видны только под микроскопом (Гугуев и др. 2017: 49—51, рис. 3, 4).

античной цивилизации, остаётся одной из наиболее актуальных и обсуждаемых для нескольких поколений исследователей Танаиса¹⁴. В последние годы специалисты всё больше обращают внимание на свидетельства разных источников о седентаризации ираноязычных кочевников в городе и на меотских поселениях его округа уже начиная с середины I — первой половины II в. н.э. (Гугуев 2017: 135—137), т.е. столетием ранее, чем считалось прежде (Гугуев 1993: 123—123). По мнению историка и лингвиста С.В. Кулланды, небольшое количество (до 13%) иранских имён есть в танаисских надписях первой половины II в. н.э. (Внуков 2007: 169). С середины I в. н.э. на нижнедонских меотских городищах и в Танаисе распространяются сарматские тамги, причём в городе их применение становится массовым (Гугуев 2017: 135). Тогда же в некрополях названных памятников появляются погребения с наборами характерных среднесарматских лепных курильниц, состоящими из крупного сосуда в форме соленоида и цилиндрического сосуда меньшего размера («стопки») (Гугуев 2017: 136). Вероятно, справедлива точка зрения, в соответствии с которой ещё до разгрома Танаиса позднесарматскими племенами (середина II в. н.э.) здесь в течение многих десятилетий проживали сарматы, но их имена редко попадали в надписи, поскольку первоначально данная группа не имела гражданских прав. Ситуацию изменил упомянутый политический кризис, после чего в городе возникла община сарматов-«танаитов». Он сопровождался очередным притоком в город степного населения — в первую очередь местных (нижнедонских) средних сарматов¹⁵, а потом и представителей новой позднесарматской волны кочевников (Внуков 2007: 168—170).

Во II — первой половине III в. в. н.э. функционировал сухопутный торговый путь, связывавший Танаис с аланскими протогородами Центрального Предкавказья. Возможно, в его обслуживании в качестве своего рода контрагентов принимали участие степные сарматы¹⁶, тогда как их живущие в городе соплеменники и родственники были торговцами, которые отправляли на юг вино в амфорах (находки винных гераклейских светлоглиняных

¹⁴ Краткий историографический обзор и анализ основных итогов разработки данной темы к середине 2000-х гг. см. (Гугуев и др. 2007: 432—434).

¹⁵ Кстати, такая версия находит ряд подтверждений в археологическом и антропологическом материале. В частности, во второй половине II — первой половине III в. н.э. варварское население Танаиса продолжало использовать в домашних и погребальных обрядах лепные среднесарматские курильницы, сменившиеся в степи на позднесарматские (Базилевич, Гугуев 2012: 159—160). В танаисских краниологических сериях II—III вв. н.э. «основным морфологическим типом становится мезокранный череп со среднешироким лицом, высокими орбитами и резко выступающим носом, определенно обладающий сходством со среднесарматской поздней группой» (Батиева 2011: 89).

¹⁶ Информация письменных источников об участии кочевников—сарматов в обслуживании торговых путей крайне скудна и, по сути, ограничивается регулярно цитируемым исследователями кратким пассажем Страбона об аорсах, которые сопровождали («конвоировали») прибывавшие из Индии и Переднего Востока через Мидию и Армению караваны по южнорусским степям, получая за это вознаграждение (по-видимому, часть транспортируемого золота и драгоценностей) в качестве платы за обеспечение безопасности (Виноградов 1994: 161). Данное свидетельство передаёт реалии финала эллинистической эпохи. Есть все основания полагать, что и в римское время номады волго-донских степей были глубоко инкорпорированы в систему античной торговли и товарообмена через эмпорий на Танаисе. Их роль в торговле города в устье Дона, возможно, была сопоставима с ролью печенегов в обслуживании дальних экономических связей раннесредневекового Херсонеса, о которой мы знаем благодаря сообщению Константина Багрянородного: «Они (печенеги) торгуют с херсонитами и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как то: влатии, прандии, харерии, пояса, перец, алые парфянские кожи и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям». По мнению историка, приводящего и комментирующего в своей работе данное место трактата, речь идёт именно о торговых поручениях, т.е. о своего рода доверенности и поручительстве (Богданова 1991: 60—61). Надо сказать, что подобная и множество других форм участия номадов в торговле оседлых обществ хорошо известны и описаны специалистами, в основном, применительно к афро-азиатскому региону от эпохи средневековья до новейшего времени (Хазанов 2002: 337—341).

амфор, правда немногочисленные, известны на городищах и в могильниках центральнокавказских аланов), а в обмен на него получали оттуда какие-то товары. Некоторые из этих продуктов, по-видимому, поступали в Танаис в керамической таре — крупных двуручных кувшинах и больших горшках, много которых оказалось в домах горожан на момент катастрофы начала 50-х гг. III в. н.э. Что же касается аланской столовой и кухонной посуды, то, вероятно, её широко применяли в быту и для нужд погребального обряда оседавшие в городе сарматы (Гугуев 1993: 123—124), а теперь можно предположить, что и выходцы непосредственно из Центрального Предкавказья. Наверное, только у названных групп горожан имелись причины для использования такой зачастую не слишком презентабельной посуды там, где в изобилии имелась самого высокого качества привозная (краснолаковая и др.) и местная (меотская гончарная сероглиняная) керамическая продукция. Может быть, ряд столовых и кухонных аланских керамических форм был лучше приспособлен к некоторым традиционным видам пищи и напитков варваров-«танаитов»¹⁷. С другой стороны, для этих людей, скорее всего, оставались значимыми религиозно-магические представления, выражавшиеся в таких особенностях морфологии и декора аланской посуды, как ручки в виде реалистичных или стилизованных изображений животного, соляные знаки и клейма.

Примером высокой концентрации аланской керамики (всего около 32 сосудов разных функциональных форм и типов против 8 меотских) в жилом комплексе Танаиса, хозяином которого был богатый торговец, вероятнее всего, иранского происхождения, является погибшая в середине III в. н.э. усадьба 2 на раскопе IV (помещения И и М с подвалами). Уникальность данного жилого и хозяйственного комплекса в том, что на происходящих из него амфорах сохранились многочисленные дипинти и одно граффито, являющиеся аббревиатурой имени владельца в разных её вариантах — *Οσι Μαρδ*, *Οσια Μαρδ*, *Οσιαδ Μαρδα*. Патронимикон достаточно надёжно реконструируется как *Μάρδαυος* (Мардав, вероятно, от иранского корня *mār* — «убивать», ср. осетинское *mard* — «убитый, мертвец, труп») — на основании танаисской фиасной надписи 228 г. н.э., в которой фигурирует человек по имени *Μάρδαυος Ζαράνδου* (Заранд принадлежит к группе древнеосетинских (аланских) и означает «старый»). Кстати, в этой усадьбе обнаружен также специфический позднесарматский культовый предмет — лепная курильница в форме параллелепипеда с прочерченными на боковых гранях косыми крестами (Гугуев и др. 2007: 432—436, 449—444).

К сожалению, имя владельца Восточного подвала нам неизвестно. Однако в обрисованном контексте заметное количество аланской гончарной керамики в хозяйстве этого горожанина, наверное, может свидетельствовать в пользу его варварского, сарматского или аланского (ранние аланы Кавказа) происхождения. Тем более что с сарматами определённым образом ассоциируются и два принадлежавших ему меотских гончарных сосуда: кубышка с рельефной тамгой и блюдо-поднос на низких ножках. Кубышка, например, могла быть изготовлена и помечена личным знаком хозяина подвала по его заказу.

¹⁷ Например, крупные цилиндрические и бочонковидные кружки с одной—двумя массивными зооморфными ручками в виде стилизованных фигурок кабана, найденные в Танаисе как во фрагментах, так и целыми (Науменко, Гугуев 2020: 271, рис. 1: 9). Эти сосуды, бытовавшие у аланов Центрального Предкавказья в III—IV вв. н.э. (Абрамова 1997: рис. 69: 8, 12, 13), в погребениях обычно сопровождаются крышками (Габуев, Малашев 2009: 35, 59, 122, рис. 51, 107: 1, 2), и, по всей вероятности, предназначалась для пива. В античной столовой керамике Танаиса первых вв. н.э. подобные формы практически не встречаются. Большие цилиндрические (или слегка расширяющимся кверху) гончарные кружки со стилизованной зооморфной или петлевидной ручкой, а также их лепные реплики характерны и для донских меотов во II—III вв. н.э. (Косяненко 2008: 68—69, табл. 2: 58—62, рис. 34: 6, 126: 2, 127: 5). Однако меотские кружки не имеют крышек. Возможно, их функциональное назначение было иным.

Что же касается блюда на ножках — функциональной формы, достаточно популярной у степных сарматов и аланов Кавказа (см. выше) — то его присутствие в наборе сероглиняной посуды, может быть, также не случайно, а объяснялось привычками и предпочтениями этого горожанина (и членов его семьи?).

Естественно, авторы не настаивают на своей версии происхождения владельца танаисского подвала середины II в. н.э., которая основана исключительно на анализе ряда предметов из закрытого комплекса. Однако, как мы стремились показать выше, в ней нет ничего, что противоречило бы здравому смыслу и множеству самого разного рода фактов из истории и археологии Танаиса римского времени. По нашему мнению, в указанный период этническая принадлежность отдельных жителей эмпория в устье Дона, порой так ярко выраженная в погребально-поминальной обрядности и инвентаре захоронений (Безуглов, Ильяшенко 2016; Гугуев 2019), должна была каким-то образом проявлять себя и на бытовом уровне. Будем надеяться, что новые детальные исследования материала из погибших жилых и хозяйственных построек, а также из культурных напластований города позволят специалистам оценить, насколько вероятна наша догадка.

Приложение. Описание неантичной гончарной сероглиняной керамики из Восточного подвала

Нижнедонская меотская керамика

1. Фрагментированный сосуд (кубышка) с высоким прямым слегка отогнутым и чуть утолщённым венчиком, край которого скруглён, плавно переходящим внизу в округло-биконическое тулово, и вогнутым дном. У дна стенки имеют выраженную закраину. Переход венчика в плечики декорирован невысоким горизонтальным валиком. Поверхность коричневая, снаружи лощёная. Тесто аналогичного цвета, тонкое, с примесью кварцевого песка, слоится. На внутренней поверхности горизонтальные бородки и отчётливо выраженное рифление. Диаметр венчика 11,0 см, тулова (реконструируемый) около 19,4 см, дна 8,4 см. Высота (реконструируемая) сосуда около 21,7 см (рис. 12: 1).

2. Фрагментированный сосуд (кубышка) с высоким отогнутым слегка утолщённым венчиком, плавно переходящим внизу в тулово, по форме близкое к сферическому (его средняя часть утрачена), и вогнутым дном. Верх плечиков декорирован пояском из трёх широких горизонтально пролощенных желобков. На плечиках имеется крупный рельефный налеп — тамга, расположенный горизонтально. Тамга имеет вид пары соединённых посередине прямой линией зеркально-симметричных п-образных фигур («двузубцев») с отогнутыми наружу окончаниями и маленьким дуговидным «выступом» внутри по центру. Поверхность красно-коричневая, снаружи хорошо залощена. Тесто такого же цвета, очень тонкое, без видимых примесей. На внутренней поверхности горизонтальные бородки и слабо выраженное рифление, а напротив тамги — едва заметные отпечатки пальцев (вероятно следы поддержки изнутри при нанесении знака). Диаметр венчика 11,0 см, тулова (реконструируемый) около 22,2 см, дна 10,1 см. Высота (реконструируемая) сосуда около 22,7 см. Размеры налёпа 7,4 × 4,3 см, высота налёпа над поверхностью сосуда 0,15 см. (рис. 12: 2, 16: 1).

3. Фрагментированное блюдо с широким горизонтально отогнутым венчиком, имеющим плоский верхний край, низкими прямыми чуть расширяющимися кверху стенками, резко переходящими в широкое слегка выпуклое тонкое дно, к краям которого симметрично прилеплены три прямоугольные в поперечном сечении изогнутые наружу L-образные ножки-«сапожки». Поверхность светло-серая со светло-коричневыми пятнами, снаружи и внутри хорошо залощена. Тесто коричневатое-серое (бежевое), очень тонкое, без видимых

примесей. Диаметр венчика 21,2 см, дна 19,1 см. Общая высота сосуда 7,0 см: «чаши» 3,5 см, ножек 3,5 см. Размеры сечения ножек $1,9 \times 1,8$ см (рис. 13: 1, 16: 2).

4. Немногочисленные фрагменты открытого сосуда («кастрюли» или «котелка») с венчиком—выступом и высоким чуть выпуклым и слегка наклонённым внутрь бортиком, плавно переходящими в придонную часть тулова. К нижней части бортика были прилеплены (две?) массивные круглые в сечении горизонтальные, чуть наклонённые вниз ручки-упора с плоско срезанным окончанием. Под венчиком бортик декорирован двумя горизонтально проложенными желобками. Поверхность серая, снаружи лощёная. Тесто такого же цвета, очень тонкое, с примесью мелкого кварцевого песка. На внутренней поверхности горизонтальные бороздки от круга. Диаметр венчика (реконструируемый) около 20,8 см, тулова (реконструируемый) около 21,5 см. Высота (реконструируемая) сохранившейся части сосуда около 9,0 см. Длина ручки около 4,1 см, размеры сечения $3,6 \times 3,4$ см (рис. 13: 4).

5. Фрагментированная миска с венчиком-выступом, резко загнутым внутрь прямым бортиком, прямыми стенками и толстым слегка вогнутым дном. Поверхность серо-коричневая, снаружи и внутри тщательно залощена. Тесто такого же цвета, очень тонкое, почти без видимых примесей — с редкими мельчайшими белыми включениями. Диаметр венчика 19,9 см, бортика 20,4 см, дна 8,0 см. Высота сосуда 7,7 см (рис. 13: 2).

6. Фрагмент миски с венчиком-выступом и прямым вертикальным бортиком. Поверхность серая, снаружи и внутри лощеная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр венчика около 17,8 см, бортика около 17,4 см. Высота сохранившейся части сосуда 5,7 см (рис. 13: 3).

7. Фрагмент миски с венчиком-выступом и прямым загнутым внутрь бортиком. Поверхность серая, лощеная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр венчика около 19,5 см, бортика около 20,4 см. Высота сохранившейся части сосуда 3,8 см (рис. 13: 5).

8. Фрагмент придонной части тулова и тонкого вогнутого дна размеров закрытого сосуда. Поверхность снаружи серая, хорошо залощена. Тесто аналогичного цвета, тонкое, с примесью мельчайшего кварцевого песка. Диаметр дна 10,2 см. Высота сохранившейся части сосуда 3,1 см.

Аланская керамика

1. Фрагментированный сосуд (кувшинчик-кружка или кубышка) с валикообразным венчиком, расширяющимся кверху горлом, плавно переходящим внизу в приземистое (грушевидное) тулово. Дно и ручка(?) утрачены. Низ горла декорирован двумя горизонтально проложенными желобками. Поверхность светло-коричневая с тёмными пятнами, снаружи лощёная. Тесто такого же цвета, довольно тонкое, с обильной примесью тёмных частиц, более редкими крупными кварцевыми(?) песчинками и частичками слюды крупного и среднего размера. Диаметр венчика 8,8 см, горла (минимальный) 7,3 см, тулова около 12,5 см. Высота сохранившейся (реконструируемой) части сосуда 14,1 см (рис. 15: 2).

2. Фрагментированный кувшин с расширяющимся кверху горлом, плавно переходящим внизу в тулово, по форме близкое к сфероконическому. Верх горла с венчиком, ручка и дно утрачены. В средней части плечика сохранился след нижнего прилепа ручки. Низ горла декорирован двумя горизонтально проложенными желобками. Поверхность светло-коричневая, снаружи тщательно залощена, внутри на горле следы горизонтального ленточного наращивания. Тесто такого же цвета, тонкое с примесью тёмных частиц и редкими белыми включениями. Диаметр горла (минимальный) около 8,0 см, тулова около 26,5 см. Высота сохранившейся (реконструируемой) части сосуда 25,1 см (рис. 15: 4).

3. Фрагменты кувшина. Сильно расширяющееся кверху («воронкообразное») горло (с ойнохоевидным сливом?) без выделенного венчика плавно переходит внизу в яйцевидное тулово. У самого дна стенки слегка прогнуты внутрь. Дно вогнутое. Овальная в сечении, слегка расширяющаяся книзу ручка, верх которой оформлен снаружи округлым налепом-выступом с вдавлением посередине ровной площадки, верхним концом крепится к горлу (вероятно, штифтом через отверстие в стенке, но утверждать этого с определённой уверенностью нельзя, т.к. внутренняя поверхность горла в этом месте тщательно заглажена), а нижним прилеплена к верхней части тулова. Переход горла в плечики декорирован тонким горизонтальным валиком, а на некоторых участках ещё и желобком. Поверхность светло-коричневая с красноватым оттенком, снаружи тщательно залощена. Тесто такого же цвета, довольно тонкое, с редкими белыми включениями и ещё более редкой примесью шамота. Максимальный диаметр горла не более 19,5 см, минимальный около 11,8 см. Диаметр тулова около 29,6 см, дна 11,0 см. Реконструируемая высота сосуда около 42,5 см. Размер сечения ручки в верхней части $2,4 \times 1,5$ см, в нижней части $3,1 \times 1,6$ см. Размеры налёпа $1,5 \times 1,0$ см, высота 0,6 см (рис. 14: 2, 16: 3).

4. Фрагментированная корчага со слегка отогнутым утолщённым венчиком и высоким «бомбовидным» туловом. Низ тулова и дно утрачены. Внизу плечиков имелась пара симметрично расположенных подковообразных налепов-ушек (одно сохранилось), в верхней части которых проделано круглое поперечное (вертикальное) отверстие для подвешивания. Тулово декорировано неглубоким пролощенным орнаментом: двумя широкими полосами ломаного зигзага из трёх параллельных желобков, ограниченными сверху и снизу тремя парами горизонтальных желобков. Поверхность светло-коричневая, снаружи лощёная. Внутри местами заметны следы ленточного наращивания тулова. Тесто такого же цвета, грубоватое, с обильной примесью тёмных частиц, более редкими белыми включениями и частичками слюды крупного и среднего размера. Диаметр венчика 14,3 см, тулова 19,8 см. Размеры ушка $3,7 \times 2,7$ см, диаметр отверстия 0,5 см. Высота сохранившейся части сосуда 22,2 см (рис. 15: 1, 16: 4).

5. Фрагменты миски с загнутым чуть скруглённым бортиком и слегка прогнутыми внутрь стенками. Поверхность тёмно-серая, снаружи и внутри лощёная. Тесто такого же цвета, тонкое, с примесью мелкого песка, мелкими белыми включениями и редкими тёмными частицами(?). Диаметр устья около 28,7 см, бортика около 30,8 см. Высота сохранившейся части сосуда 7,1 см (рис. 14: 1).

6. Фрагмент миски с загнутым скруглённым бортиком и плоским(?) дном. Поверхность светло-коричневая, снаружи и внутри лощёная. Тесто такого же цвета, грубоватое, с обильными белыми включениями, редкими частицами слюды и тёмными частицами. Диаметр устья около 15,3 см, бортика около 17,1 см. Высота сосуда 5,0 см (рис. 15: 3).

Литература

- Абрамова М.П. 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. *СА* 2, 31—50.
- Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: Наука.
- Абрамова М.П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа в III—V вв. н.э.* Москва: ИА РАН.
- Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Античные древности Подонья-Приазовья*. Москва: Наука, 173—219.
- Арсеньева Т.М. 1985. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса. *КСИА* 182, 74—84.
- Арсеньева Т.М. 1988. *Светильники Танаиса*. Москва: Наука.

- Арсеньева Т.М., Власкин М.В. 1998. Археологические исследования северного участка грунтового некрополя Танаиса в 1996—1997 гг. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1995—1997 гг.* 15. Азов: Азовский музей-заповедник, 17—18.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. *Усадьбы Танаиса*. Москва: ИА РАН.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1993. Комплекс находок из подвала МБ II—III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 1, 61—113.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2001. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4, 56—124.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2004. Новые данные о фортификации Танаиса. *ДБ* 7, 29—73.
- Арсеньева и др. 2009: Арсеньева Т.М., Науменко С.А., Ильяшенко С.М. 2009. Новые закрытые комплексы Танаиса II—III вв. н.э. *ДБ* 13, 38—78.
- Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К. 2012. О средне- и позднесарматском компонентах в составе населения Танаиса в середине II — первой половине III в. н.э. (по материалам лепных курильниц сарматских типов). В: Гаджиев М.С. (ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной конференции 23—28 апреля 2012 г.* Махачкала: Мавраев, 159—161.
- Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Безуглов С.И. 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. — V в. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. Москва: ИА РАН.
- Безуглов С.И. 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Проблемы современной археологии: сб. памяти Владимира Александровича Башилова*. Москва: Таус, 284—301 (МИАР 10).
- Безуглов С.И. 2009. О степных связях населения Закубанья в позднесарматскую эпоху (по материалам раскопок Н.И. Веселовского 1909 г.). *НАВ* 10, 408—415.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2016. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н.э. (культурно-исторический облик). В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.-сост.). *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2016 г.)*. Санкт-Петербург: ПАЛЛАЦО, 181—186.
- Березин Я.Б. 2019. О стакановидных керамических предметах из Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н.э. *РА* 1, 50—59.
- Беспалый Г.Е. 2016. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник “Танаис”» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. РГИА. Ф. 1. Р. 1. № 51121, 51126.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России I).
- Богданова Н.М. 1991. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. *Причерноморье в средние века. К XVIII Международному конгрессу византистов*. Москва: МГУ, 8—172.
- Братченко С.Н., Косяненко В.М. 1994. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ). *Донские древности* 2, 80—101, 197—206.
- Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.
- Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. II*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Внуков С.Ю. 2007. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье. *ВДИ* 4, 163—177.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва: Таус.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. 2010. Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан). В: Давудов О.М. (ред.). *Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, профессора Х.А. Амирханова*. Махачкала: Наука ДНЦ, 352—364.
- Гончарова и др. 2016: Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харченко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. 2016. Археологические исследования в городе Азове в 2013—2014

- годах. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013—2014 гг.* 29. Азов: Азовский музей-заповедник, 50—126.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). *Донские древности* 11.
- Гугуев В.К. 2017. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ). *Вестник Танаиса* 4, 128—148.
- Гугуев В.К. 2019. Курганы на восточном участке некрополя Танаиса. *Вестник Танаиса* 5 (1), 92—123.
- Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2020. Погребение с импортами из некрополя Темерницкого городища. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 189—214.
- Гугуев В., Гугуев Ю. 1988. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984—1985 гг.). *Известия РОМК* 5, 67—75.
- Гугуев Ю.К. 1993. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы). *Вестник Танаиса* 1, 114—139.
- Гугуев и др. 2007: Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2007. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе. В: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой*. Москва: Таус, 432—457 (МИАР 8).
- Гугуев и др. 2017: Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. 2017. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минералогическо-петрографических исследований). *НАВ* 16 (1), 45—61.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Москва: ГИМ (Труды ГИМ 205).
- Деопик Д.В. 1988. Керамика Центрального Предкавказья в I—IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия). *Материальная культура Востока*. Ч. II. Москва: Наука, 171—220.
- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Журавлев Д.В. 1998. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени. В: Журавлев Д.В. (отв. ред.). *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*. Москва: ГИМ, 31—51 (Труды ГИМ 102).
- Журавлев Д.В. 2006. О происхождении понтийской сигиллаты. В: Бжания В.В. (отв. ред.). *Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья и их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции*. Сухум: Алашарбага, 165—169.
- Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Северо-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: БФ «Деметра».
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 1999. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея. *ДБ* 2, 98—113.
- Журавлев Д.В., Турова Н.П. 2012. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея. *БИ XXVI*, 335—400.
- Зайцев Ю.П. 2000. Склеп жриц Усть-Альминского позднескифского некрополя. В: Акимова Л.И., Кифишин А.Г. (ред.). *Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 294—318.
- Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. Москва: Наука (МИА 83).
- Казакова Л.М. 2004. Ещё раз о топографии городища Танаис (по поводу заметки Б.А. Раева). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г.* 19. Азов: Азовский музей-заповедник, 229—235.
- Каменецкий И.С. 1969. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Античные древности Подонья—Приазовья*. Москва: Наука, 136—172.
- Каменецкий И.С. 2006. Тбилисское городище. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 6, 192—204.
- Каминский В.И., Кондрашов А.В. 1988. Находки аланских курильниц на Средней Кубани. В: Кузнецов В.А. (отв. ред.). *Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа*. Орджоникидзе: Ир, 57—64.
- Кат. Раев 1979: Раев Б.А. (сост.). 1979. *Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества.

- Кондрашев 1987: РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11370. Кондрашев А.В. 1987. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника в ст. Старокорсунской (Советский район г. Краснодара) в 1986 г. Альбомы иллюстраций к отчету.
- Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: Азовский музей-заповедник.
- Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Ларенок В.А. 2016. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000—2001, 2002, 2004 годов.* Ч. II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Ларенок В.А. 2021. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок некрополя Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса «Метро кэш энд керри» в 2007 г.* Ч. III. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом».
- Малашев В.Ю., Албегова З.Х. 2018. Погребение аланской культуры III в. н.э. с керамическим столиком. *РА* 3, 23—35.
- Масловский А.Н., Косяненко В.М. 2011. Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г.* 25. Азов: Азовский музей-заповедник, 371—390.
- Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П. 2002. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя. В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар 13—15 июня 2001 г.* Краснодар: Музей истории донского казачества, 57—67.
- Мошкова М.Г. 1980. О месте производства некоторых групп сарматской лощёной керамики. *КСИА* 162, 45—52.
- Наumenко С.А. 2012. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I — середины III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 3, 63—85.
- Наumenко С.А. 2017. Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом. *Вестник Танаиса* 4, 22—31.
- Наumenко С.А., Гугуев Ю.К. 2020. Торговые связи Танаиса с Северным Кавказом и Прикубаньем. В: Гаджиев М.С. (ред.). *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20—25 апреля 2020 г.* Махачкала: Мавраевъ, 269—271.
- Пьянков А.В. 2015. К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани во второй половине III — третьей четверти IV в. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4.* Ч. 1. Тула: Государственный Музей-заповедник «Куликово поле», 256—264.
- Хазанов А.М. 2002. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Шелов Д.Б. 1972. *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. Москва: Наука.
- Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. *КСИА* 156, 16—21.
- Arzhantseva et al. 2000: Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. In Kazanski M., Soupault A. (eds.). *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age*. Leiden; Boston: Brill, 211—250.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1997. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz, 437—487.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1998. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1997. *Eurasia Antiqua* 4. Mainz, 383—424.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5. Mainz, 411—443.
- Bezuglov S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.
- Böttger B. 2002. *Die keizerzeitliche Lampen vom Kerameikos*. München: Hirmer Verlag.
- Catalogue 2006: Bodzek J. (ed.). 2006. *Skarby znad Morza Czarnego : złoto, rzeźba, ceramika z Muzeum Archeologicznego w Odessie : katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie, marzec — czerwiec 2006*. Kraków : Muzeum Narodowe.

- Tezgör D.K. 2021. *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire*. Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress Archaeology.
- Exhibition Catalogue 2018: Rusu-Bolideț V, Botiș F.O. (eds.). 2018. *The Supply of Ceramic Goods in Dacia and Lower Moesia: Imports and Local Developments*. Cluj-Napoca: Mega.
- Hayes J. 1983. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens* 78, 97—169.
- Opaiț 1980. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-buzantine din Dobrogea. *Peuce* VIII, 291—327.
- Opaiț A. 1987. Amfore romane de mare capacitate. Considerații tipologice. *SCIIVA* 38 (1—2), 245—258.
- Radulescu A 1976. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica* IX.

References

- Abramova, M.P. 1979. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 31—50 (in Russian).
- Abramova, M.P. 1993. *Tsentrāl'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (3rd c. BCE — 4th c. CE))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Abramova, M.P. 1997. *Ranniye alany Severnogo Kavkaza v III—V vv. n.e. (Early Alans of the North Caucasus in the 3rd — 5th cc.)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1969. In: Shelov, D.B. (ed.). *Antichnyye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya (Ancient antiquities of the Don-Azov region)*. Moscow: Nauka, 173—219 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1985. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 182, 74—84 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M. 1988. *Svetil'niki Tanaisa (Lanterns of Tanais)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Vlaskin, M.V. 1998. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1995—1997 gg. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 1995—1997)* 15. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 17—18 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 1992. *Usad'by Tanaisa (Estates of Tanais)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* I, 61—113 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 2001. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 4, 56—124 (in Russian).
- Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 29—73 (in Russian).
- Arsen'yeva i dr. 2009: Arsen'yeva, T.M., Naumenko, S.A., Il'yashenko, S.M. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 38—78 (in Russian).
- Bazilevich, L.O., Guguyev, Yu.K. 2012. In: Gad'jiev, M.S. (ed.). *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiy chteniye. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii 23—28 aprelya 2012 g. (The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Conference April 23—28, 2012)*. Makhachkala: Mavrayev, 159—161 (in Russian).
- Batiyeva, E.F. 2011. *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye) (The population of the Lower Don in the 9th c. BCE — 4th c. CE (paleoanthropological study))*. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2001. Monetary circulation of Tanais (3rd c. BCE — 5th c. CE). PhD Thesis. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2008. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoy arkheologii: sb. pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova*. Moscow: Taus, 284—301 (Materials and research on the archaeology of Russia 10) (in Russian).
- Bezuglov, S.I. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 408—415 (in Russian).
- Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2016. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22—25 noyabrya 2016 g.) (Elite of the Bosporus and the Bosporan elite culture. Proceedings of the international round table (Saint Petersburg, November 22—25, 2016))*. Saint Petersburg: PALLATSO, 181—186 (in Russian).

- Berezin, Ya.B. 2019. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 50—59 (in Russian).
- Bespalyi G.E. 2016. Otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok na uchastkakh stroitel'stva muzeynogo zdaniya, ob'yektov infrastruktury i ekspozitsionnogo pokaza v granitsakh ob'yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Arkheologicheskiiy muzey-zapovednik «Tanais»" v khut. Nedvigovka Myasnikovskogo rayona Rostovskoy oblasti v 2012 g. RGIA. F. 1. R. 1. No. 51121, 51126.
- Bespalyi, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino (Ancient population of the interfluvium of the Don and Kagalnik. Burial mound near the village Vysochino)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia I) (in Russian).
- Bogdanova, N.M. 1991. In *Prichernomor'ye v sredniye veka. K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Black Sea region in the Middle Ages. To the 18th International Congress of Byzantines)*. Moscow: MGU, 8—172 (in Russian).
- Bratchenko, S.N., Kosyanenko, V.M. 1994. In *Donskiye drevnosti (Don Antiquities)* 2, 80—101, 197—206 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 151—170 (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2006. *Prichernomorskiye amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Black Sea amphoras of the 1st c. BCE — 2nd c. CE)*. Pt. II. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2007. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 163—177 (in Russian).
- Gabuyev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alans in the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Taus (in Russian).
- Gadjiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2010. In: Davudov, O.M. (ed.). *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Yevrazii: Sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora Kh.A. Amirkhanova (Studies of the Primitive Archaeology of Eurasia: Collection of Articles for the 60th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor Kh.A. Amirkhanov)*. Makhachkala: Nauka DNTS, 352—364 (in Russian).
- Goncharova i dr. 2016: Goncharova, S.A., Shirochenko, E.B., Kharchenko, M.V., Goncharov, M.Yu., Maslovskiy, A.N., Minayev, A.P., Yudin, N.I. 2016. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2013—2014 gg. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2013—2014)* 29. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 50—126 (in Russian).
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Donskiye drevnosti (Don antiquities)* 11 (in Russian).
- Guguev, V.K. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 4, 128—148 (in Russian).
- Guguev, V.K. 2019. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 5 (1), 92—123 (in Russian).
- Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2020. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd c. BCE — 4th c. CE))*. Simferopol: OOO "Firma «Salta» LTD", 189—214 (in Russian).
- Guguev, V., Guguev, Yu. 1988. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya (News of the Rostov Regional Museum of Local Lore)* 5, 67—75 (in Russian).
- Guguev, Yu.K. 1993. In *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)* 1, 114—139 (in Russian).
- Guguev i dr. 2007: Guguev, Yu.K., Il'yashenko, S.M., Kazakova, L.M. 2007. In: Kozenkova, V.I., Malashev, V.Yu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy (The North Caucasus and the world of nomads in the early Iron Age: a collection in memory of M.P. Abramova)*. Moscow: Taus, 432—457 (Materials and research on the archaeology of Russia 8) (in Russian).
- Guguev i dr. 2017: Guguev, Yu.K., Malashev, V.Yu., Rylov, V.G. 2017. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (1), 45—61 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (Necropolis of the Roman time Belbek IV in the South-Western Crimea)*. Moscow: GIM (Proceedings of the State Historical Museum 205) (in Russian).
- Deopik, D.V. 1988. In *Material'naya kul'tura Vostoka (Material culture of the East)*. Pt. II. Moscow: Nauka, 171—220 (in Russian).
- Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Systems of signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 1998. In: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'ye (Hellenistic and Roman ceramics in the Northern Black Sea region)*. Moscow: GIM, 31—51 (Proceedings of the State Historical Museum 102) (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2006. In: Bzhaniya, V.V. (ed.). *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya. Posvyashchena pamyati Yu.N. Voronova. Drevniye kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya i ikh vzaimodeystviye s kul'turami sosednikh regionov. Sokhraneniye kul'turnogo naslediya. Materialy konferentsii*

- (*First Abkhaz International Archaeological Conference. Dedicated to the memory of Yu.N. Voronova. Ancient cultures of the Caucasian Black Sea region and their interaction with the cultures of neighboring regions. Preservation of cultural heritage. Conference materials*). Sukhum: Alasharbaga, 165—169 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovoaya keramika Severo-Zapadnogo Kryma I—III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) (Red-lacquer ceramics of the North-Western Crimea of the 1st — 3rd cc. CE (Based on materials from the late Scythian necropolises of the Belbek Valley))*. Simferopol: BF “Demetra” (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 1999. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 2, 98—113 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Turova, N.P. 2012. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XXVI, 335—400 (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 2000. In: Akimova, L.I., Kifishin, A.G. (eds.). *Zhertvoprinosheniye: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney (Sacrifice: Ritual in culture and art from antiquity to the present day)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 294—318 (in Russian).
- Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic container of the Bosporus)*. Moscow: Nauka (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 83) (in Russian).
- Kazakova, L.M. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2002)* 19. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 229—235 (in Russian).
- Kamenetskiy, I.S. 1969. In: Shelov, D.B. (ed.). *Antichnyye drevnosti Podon'ya—Priazov'ya (Ancient antiquities of the Don-Azov region)*. Moscow: Nauka, 136—172 (in Russian).
- Kamenetskiy, I.S. 2006. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and research on the archaeology of the Kuban)* 6, 192—204 (in Russian).
- Kaminskiy, V.I., Kondrashov, A.V. 1988. In: Kuznetsov, V.A. (ed.). *Metodika issledovaniya i interpretatsii arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza (Methods of research and interpretation of archaeological materials of the North Caucasus)*. Ordzhonikidze: Ir, 57—64 (in Russian).
- Kat. Rayev 1979: Raev, B.A. (ed.). 1979. *Katalog arkheologicheskikh kollektsey Muzeya istorii donskogo kazachestva (Catalog of archaeological collections of the Museum of the history of the Don Cossacks)*. Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva (in Russian).
- Kondrashev 1987: RGIA. F. 1. Op. 1. D. 11370. Kondrashev A.V. 1987. Otchet o provedenii okhrannospasatel'nykh raskopok gruntovogo mogil'nika v st. Starokorsunskoy (Sovetskiy rayon g. Krasnodara) v 1986 g. Al'bomy ill'yustratsiy k otchetu.
- Kosyanenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of Kobyakovo settlement (based on materials from excavations in 1956—1962))*. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik (in Russian).
- Larenok, V.A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of Kobyakovo settlement from excavations in 1999—2000)*. Pt. I. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Larenok, V.A. 2016. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 2000—2001, 2002, 2004 godov (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakovo settlement from the excavations of 2000—2001, 2002, 2004)*. Pt. II. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Larenok, V.A. 2021. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok nekropol'ya Kobyakova gorodishcha na ploshchadke stroitel'stva trgovogo kompleksa “Metro kesh end kerri” v 2007 g. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakovo settlement from the excavations of the necropolis of the Kobyakov settlement at the construction site of the Metro Cash and Carry shopping complex in 2007)*. Pt. III. Rostov-on-Don: OOO “Donskoy Izdatel'skiy Dom” (in Russian).
- Malashev, V.Yu., Albegova, Z.Kh. 2018. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 23—35 (in Russian).
- Maslovskiy, A.N., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2009 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2009)* 25. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 371—390 (in Russian).
- Mordvintseva, V.I., Zaytsev, Yu.P. 2002. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 8-go arkheologicheskogo seminar. Krasnodar 13—15 iyunya 2001 g. (Ancient civilization and the barbarian world. Materials of the 8th archaeological seminar. Krasnodar June 13—15, 2001)*. Krasnodar: Muzey istorii donskogo kazachestva, 57—67 (in Russian).

- Moshkova, M.G. 1980. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 162, 45—52 (in Russian).
- Naumenko, S.A. 2012. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 3, 63—85 (in Russian).
- Naumenko, S.A. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 4, 22—31 (in Russian).
- Naumenko, S.A., Guguev, Yu.K. 2020. In: Gadjev, M.S. (ed.). *Arkheologicheskoye nasledie Kavkaza: aktual'nyye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskiy chteniy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Makhachkala, 20—25 aprelya 2020 g. (Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent archaeological expedition. Makhachkala, April 20—25, 2020)*. Makhachkala: Mavrayev, 269—271 (in Russian).
- P'yankov, A.V. 2015. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 4)*. Pt. 1. Tula: Gosudarstvennyy Muzei-zapovednik "Kulikovo pole", 256—264 (in Russian).
- Khazanov, A.M. 2002. *Kochevniki i vneshniy mir (Nomads and the outside world)*. Almaty: Dayk-Press (in Russian).
- Shelov, D.B. 1972. *Tanais i Nizhniy Don v pervyye veka nashey ery (Tanais and the Lower Don in the first centuries of our era)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shelov, D.B. 1978. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 156, 16—21 (in Russian).
- Arzhantseva et al. 2000: Arzhantseva, I., Deopik, D., Malashev, V. 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. In Kazanski, M., Soupault, A. (eds.). *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age*. Leiden; Boston: Brill, 211—250.
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1997. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz, 437—487
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1998. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1997. *Eurasia Antiqua* 4. Mainz, 383—424
- Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5. Mainz, 411—443
- Bezuglov, S.I. 1999. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993—1996. *Eurasia Antiqua* 4, 425—450.
- Böttger, B. 2002. *Die keizerzeitliche Lampen vom Kerameikos*. München: Hirmer Verlag.
- Catalogue 2006: Bodzek, J. (ed.). 2006. *Skarby nad Morza Czarnego : złoto, rzeźba, ceramika z Muzeum Archeologicznego w Odessie : katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie, marzec — czerwiec 2006*. Kraków : Muzeum Narodowe.
- Tezgör, D.K. 2021. *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire*. Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress Archaeology.
- Exhibition Catalogue 2018: Rusu-Bolideț, V., Botiș, F.O. (eds.). 2018. *The Supply of Ceramic Goods in Dacia and Lower Moesia: Imports and Local Developments*. Cluj-Napoca: Mega.
- Hayes, J. 1983. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens* 78, 97—169.
- Opaiț, 1980. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-bizantine din Dobrogea. *Peuce* VIII, 291—327.
- Opaiț, A. 1987. Amfore romane de mare capacitate. Considerații tipologice. *SCIIVA* 38 (1—2), 245—258.
- Radulescu, A 1976. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica* IX.

Рис. 1. План основного четырехугольника городища Танаис: 1 — местоположение постройки 4, помещения 3; 2 — раскоп XIX с подвалом 3 постройки 4, вид сверху.

Fig. 1. Plan of the main part of Tanais: 1 — location of the building 4, room 3; 2 — Trench XIX with the basement 3 of building 4, view from above.

Рис. 2. Постройка 4, помещение 3 на раскопе XIX: 1 — план постройки 4; 2 — подвал 3, вид с запада; 3 — подвал, вид с востока; 4 — северо-западный угол подвала, вид с ЮВ.

Fig. 2. Building 4, room 3 on the Trench XIX: 1 — plan of the building 4; 2 — basement 3, view from the west; 3 — basement. view from the east; 4 — north-western corner of the basement, view from the south-east.

Рис. 3. Постройка 4, подвал: 1 — южная скальная стена 100, вид с севера; 2 — находки амфор типа С и красноглиняной типа Зеест 84 на полу, вид с юга сверху.

Fig. 3. Building 4, basement: 1 — southern wall 100 cut in the bedrock, view from the north; 2 — type C and red-clay Zeest 84 type amphorae discovered on the floor, view from the south from above.

Рис. 4. Амфоры: 1 — амфора типа Зеест 84; 2 — амфора типа Усадьбы 20-21; 3 — амфора из коричневой глины.

Fig. 4. Amphorae: 1 — Zeest 84 amphora type; 2 — Tanais' homestead 20-21 amphora type; 3 — brown clay amphora.

Рис. 5. Амфоры: 1—3 — амфоры типа С (по Шелову); 4—6 — амфоры из неустановленных центров; 5 — вариант амфоры с воронковидным горлом.

Fig. 5. Amphorae: 1—3 — type C amphorae (after Shelov); 4—6 — amphorae of unidentified centers; 5 — variant of amphora with a funnel-shaped neck.

Рис. 6. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Тарелки: 1, 3 — форма 3.1 по Журавлеву); 2, 4, 5 — форма 4.2 (по Журавлеву).

Fig. 6. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Dishes: 1, 3 — form 3.1 (after Zhuravlev); 2, 4, 5 — form 4.2 (after Zhuravlev).

Рис. 7. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Тарелки: 1 — форма 6.3 (по Журавлеву); 2—3 — с «площадкой» как у формы 9 (по Журавлеву). **Миски:** 4—5 — форма 14.3 (по Журавлеву).

Fig. 7. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Dishes: 1 — form 6.3 (after Zhuravlev); 2—3 — with a “platform” similar to form 9 (after Zhuravlev). **Bowls:** 4—5 — form 14.3 (after Zhuravlev).

Рис. 8. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А. Чаши: 1 — с ручкой-налепом; 2 — форма 30.3 (по Журавлеву); 3 — с вогнутым бортиком. **Кубки:** 4 — форма 31 (по Журавлеву).

Fig. 8. Red slip wares. Pontic sigillatta A. Bowls: 1 — with adhered handle; 2 — form 30.3 (after Zhuravlev); 3 — with concave upper part of the walls. **Cups:** 4 — form 31 (after Zhuravlev).

Рис. 9. Краснолаковая керамика. Понтийская сигиллата А: 1 — канфар. Пергамская сигиллата: 2—3 — миски; 4 — костяной предмет.

Fig. 9. Red slip wares. Pontic sigillatta A: 1 — kantharos. Pergamene sigillatta: 2—3 — bowls; 4 — bone object.

Рис. 10. Находки из подвала: 1 — верхняя часть кувшина; 2 — гончарный светильник.

Fig. 10. Finds from the basement: 1 — upper part of the jug; 2 — wheelmade lamp.

Рис. 11. Постройка 4, подвал 3. Лепная посуда: горшки.

Fig. 11. Building 4, basement 3. Handmade pottery: pots.

Рис. 12. Нижнедонская меотская гончарная сероглиняная керамика: 1—2 — кубышки (реконструкция).

Fig. 12. Lower Don Meotian wheelmade grey-clay pottery: 1—2 — ceramic vessels “kubyshki” (reconstruction).

Рис. 13. Нижнедонская меотская гончарная сероглиняная керамика: 1 — блюдо на ножках (реконструкция); 2 — миска; 3, 5 — миски (реконструкция); 4 — сосуд с ручками-упорами (вариант реконструкции).

Fig. 13. Lower Don Meotian wheelmade grey-clay pottery: 1 — plate on the stands (reconstruction); 2 — bowl; 3, 5 — bowls (reconstruction); 4 — vessel with handles (variant of reconstruction).

Рис. 14. Аланская гончарная сероглиняная керамика: 1 — миска (реконструкция); 2 — кувшин (вариант реконструкции).

Fig. 14. Alan wheelmade grey-clay pottery: 1 — bowl (reconstruction); 2 — jug (variant of reconstruction).

Рис. 15. Аланская гончарная сероглиняная керамика: 1 — корчага с ушками (реконструкция); 2 — кувшинчик-кружка (кубышка?) (реконструкция); 3 — миска (реконструкция); 4 — кувшин (реконструкция).

Fig. 15. Alan wheelmade grey-clay pottery: 1 — large earthenware pot with handles (reconstruction), 2 — jug-cup (“kubyshka?”) (reconstruction); 3 — bowl (reconstruction); 4 — jug (reconstruction).

Рис. 16. Гончарная сероглиняная керамика (фотографии): 1 — фрагмент нижнедонской меотской кубышки с рельефным тамгообразным знаком; 2 — фрагменты нижнедонского меотского блюда на ножках; 3 — фрагмент аланского кувшина; 4 — фрагменты аланской корчаги с ушками.

Fig. 16. Wheelmade grey-clay pottery (photos): 1 — fragment of Lower Don, Meotian vessel (“kubyshka”) with relief tamga-like sign; 2 — fragment of Lower Don, Meotian plate on stands, 3 — fragment of Alan jug; 4 — fragment of Alan large earthenware pot.

Рис. 17. Античное гончарное блюдо из Новочеркасского музея истории донского казачества. Беспаспортная случайная находка (Арх-401 КП 3779).

Fig. 17. Antique wheelmade vessel from the Novocherkassk Museum of history of Don Cossacks. Passportless accidental find (Ark-401 KP 3779).